

Олег Руднев

Долгая дорога в дюнах

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рус)

Руднев О. А.

Долгая дорога в дюнах / О. А. Руднев — Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга», 2016

С юных лет Марта и Артур вынуждены были бороться за свою любовь. Увы, обстоятельства всегда играли против них. Сначала влюбленные оказались по разные стороны границы, а затем и в разных концах света. Но они не сломались и не предали свои чувства, преодолевая преграды, в надежде вновь обрести друг друга!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рус)

© Руднев О. А., 2016
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	62
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Олег Руднев

Долгая дорога в дюнах

© О. А. Руднев. Наследники, 2016

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016

Глава 1

Море...

Сегодня оно несло к берегу мутно-прозрачные зыбкие горы. Кружило их, сталкивало и с грохотом обрушивало на мелководье. Широкие пенные языки с жадным шипением выли-зывали отмель, подбирались к остову старого, изглоданного временем карбаса. В поселке уже никто не помнил, как и когда очутилась здесь эта дырявая посуда – брошенная за ветхостью или вынесенная невесть откуда шалой волной.

Печальный символ утлой рыбацкой судьбы.

Набухшие клочкастые облака нависли над землей так низко, что трудно было предста-вить: где-то там, за ними, могут быть покой и солнце.

Зента сидела на сером холодном песке, бессильно привалившись к борту. Закутанная в черное, с выбившимися из-под платка прядями седых волос, она казалась старухой.

Увертываясь от ветра, к карбасу подошла Айна.

– На-ка, поешь, – протянула Зенте завернутую в полотенце миску.

Зента не шевельнулась.

– Господи! – с отчаянием выдохнула Айна. – Проглоти хоть кусок!

Но Зента не слышала. Айна заплакала, опустила на песок рядом с подругой.

– Околеешь ты здесь... Кому от этого польза?

Так и не дождавшись ответа, отряхнула подол, сказала хмуро:

– Ладно. Мне доить пора. Миску, когда пойдешь, не забудь.

Она уже отошла на порядочное расстояние, когда Зента вдруг позвала каким-то стран-ным, сдавленным голосом:

– Айна, смотри!.. – и медленно поднялась.

Женщина обернулась, вглядываясь в кипящий волнами простор.

– Господи!.. – и бросилась вверх по дюнам, к поселку. – Люди! На помощь! Люди!

В поселке ударил колокол. Из домов стали выбегать рыбаки, на ходу запахивая брезен-товые куртки, нахлобучивая зюйдвестки. За ними тянулись на берег женщины, ребяташки. Столпившись на отмели возле карбаса, все они недоверчиво вглядывались в ревущее море. Кажется, там, за кромкой прибоя, и в самом деле что-то плясало на волнах. Но что? Обло-мок? Мачта? Человек, намертво вцепившийся в нее?

Андрис Калниньш – кряжистый, крепкий, с короткой бородкой на медно-красном лице – задумчиво сунул в рот незажженную трубку. Если б хоть точно знать, что там – человек.

– Ну, что же вы? – гневно метнулась к рыбакам Зента. – Труссы! Ждете, пока его разо-бьет у берега? Это он, он! Я вижу! – Она подбежала к самому краю отмели, закричала, захле-бываясь ветром: – Янка-а!

Черная стена воды выросла перед ней. Зента даже не успела испугаться. Калниньш выхватил ее из прибоя – мокрую, оглушенную.

– Иди к женщинам, Зента. – Он сунул трубку в карман. – Мы сейчас... – Кивнул рыба-кам, и четверо самых дюжих мужиков поволокли с дюн лодку.

– Отец, гляди-ка! – Лаймон, плечистый парень с такой же, как у Калниньша, только еще мягкой бородкой, рывком сбросил с себя куртку – глаза его светились надеждой. – Вроде не зря стараемся.

– Цыц ты! – резко обернулся к нему Андрис. – Плюнь три раза.

– Всыпать бы тебе три раза, – добавил юркий, похожий на гнома Фрицис Спуре. – Знал бы тогда, как под руку каркать.

Но теперь и он ясно видел: волны подтаскивали свой загадочный груз все ближе. Конечно – мачта. И человек на ней. Похоже, даже рукой машет, зовет. Может, и кричит, да разве разберешь в таком грохоте?

– Раз, два! Навались! – Рыбаки сунули лодку в приглубину за отбежавшей волной.

Но тут же встречный вал выбросил их на отмель. Чудовищной силы волна, вынырнув из свинцовой глубины, как щепку перевернула посудину, разметала бегущих людей. И выкинула, наконец, свой непонятный груз на берег: в песке, будто чудовище, корячилось огромное, вырванное где-то с корнями дерево. Мокро лоснился толстый, дочерна обглоданный морем ствол. С кривых, завитых в тугие узлы ветвей стекала вода. Издали их можно было принять за что угодно.

Калниньш молча сплюнул, повернулся и тяжело зашагал к дюнам. Рыбаки торопливо оттаскивали лодку – от греха подальше. Зента больше не упиралась. Послушно, безвольно, как больной ребенок, брела рядом с Айной. Торопилась уйти, чтобы не слышать этот злобный, торжествующий рев.

Ночью она лежала без сна, без дум. Так лежат покойники, которым забыли закрыть глаза. Неутихающий грохот шторма глухо доносился сквозь толстые бревна стен. От мерных ударов чуть заметно вздрагивало пламя свечи, оплывавшей в медном шандале.

Со стены, с фотографий, на нее смотрел Янис – молодой, чуть старше, чем теперь Артур. И так они похожи, отец и сын, – одно лицо. Рядом с мужем она – двадцатилетняя, в праздничном платье, со щекастым крепышом на руках.

Над берегом, по дюнам, на печальный звон колокола тянулась молчаливая цепочка людей, одетых в черное. Впереди шел священник. Лошадь с трудом тянула по Песчаной дороге телегу с простым струганым гробом. И такими же простыми, будто вырубленными из дерева, казались лица людей – жителей рыбацкого поселка. Колокол, возвещавший о похоронах рыбака – море все же отдало свою жертву, – раскачивался на растрескавшейся от времени и ветров сосновой колоде у кладбищенских ворот. Однорукий печальный старик уныло дергал веревку.

Это маленькое сельское кладбище, приютившееся за дюнами, среди сосен, – последняя пристань рыбака. На аккуратных, заботливо убранных могилах, рядом с белыми крестами, можно было увидеть и маленький якорь – символ надежды и спасения в лучшем мире. Когда гроб опустили на песок у края свежевыкопанной могилы, пастор скорбным взглядом обвел прихожан и начал:

– Простимся, братие, с почившим в твердой и праведной вере рабом Божиим Янисом.

Опустив головы, слушали пастора Андрис Калниньш и его сын Лаймон, Фрицис Спуре с дочкой Бирутой, рыжебородый Марцис, Друкис, Петерис с толстухой Эрной, другие односельчане. Айна, жена Калниньша, поддерживала под руку тихо плачущую Зенту – вдову погибшего.

– Возлюбленный брат наш, твой муж, Зента, – продолжал пастор, – Янис Банга – да упокоится душа его на небеси – был добрым христианином и добрым рыбаком... Вспомним же, что и любимейший ученик Господа нашего, Иисуса Христа, апостол Петр был тоже рыбак. В опасных трудах неводом в пучине вод добывал свое пропитание... Вознесем же смиренную молитву нашу в великой надежде... Ибо каждого, почившего в твердой и праведной вере, Господь, возлюбивший нас, приведет в царствие свое.

Пастор кивнул рыбакам, и они, подхватив концы длинных полотенец, начали опускать гроб в яму. Забилась в рыданиях Зента, Айна крепче прижала ее к себе. Пастор подошел к краю могилы и, взяв горсть земли, произнес простые, как эта земля, и такие же вечные слова:

– Из праха восстал – в прах и отыдешь. Аминь!

С глухим стуком упала на гроб первая горсть земли.

Потом и лопаты подхватили сырой песок.

Артур – в распахнутом форменном кителе, с зажатой в руке морской фуражкой – вбежал, запыхавшись, в ворота кладбища. И хотя он едва не опоздал, теперь невольно задержал шаг, медленно пошел к могиле. Встретившись с ним глазами, Зента только всхлипнула громче и спрятала лицо на груди сына. Так они и стояли – молча, неподвижно, пораженные жестокой правдой. Потом Артур осторожно отстранился и, нагнувшись, тоже взял горсть земли. Смутный шум моря и сосен баюкал грустную кладбищенскую тишину.

Свадебная фотография в полированной рамке – Янис Банга в подпирающем подбородок крахмальном воротничке, в галстук, рядом с ним Зента в подвенечном платье, с миртовым венком. Этот трогательно-наивный снимок – неременная принадлежность любого рыбацкого дома – сейчас, на поминках, щемил сердце всем, кто пришел к Бангам. Во главе стола, где обычно сидел хозяин, стояли глиняная кружка, перевернутая тарелка и одинокая свеча.

Айна помогала Зенте хозяйничать. Они ставили на стол все новые миски с картошкой, рыбой, подливами, наполняли пивом кувшины. Но рыбаки к еде почти не прикасались. Молча сидели над кружками. В тягостную тишину глухо падали звуки – поскрипывание половиц под ногами, звяканье посуды, далекий собачий лай. Андрис Калниньш глянул на Артура, сидевшего рядом с пустым стулом отца, и сдавленно пробубнил:

– Ну, помянем твоего отца.

Рыбаки подняли кружки.

Аболтиньш, трактирщик, ввалился в комнату задом, разводя пухлыми локтями.

– Под низ, под низ подхватывай! – шептал он кому-то в сенях. – Да нет, так не пройдет, на попа ставь, на попа!

Следом за Аболтиньшем в комнату протиснулись бочка и трое тащивших ее парней в форме айзсаргов¹. Трактирщик обернулся, наконец, к сидящим, кивнул Лаймону:

– Помоги-ка!

Тот встал, помог парням взгромоздить тяжелую дубовую бочку на скамью. Аболтиньш подошел к Артуру, положил руку на его плечо:

– Крепись, парень, – и обернулся к Зенте: – Ты уж извини, Зента, на кладбище не успели, – он кивнул на одного из айзсаргов, – с сыном ездили за товаром в уезд.

Хозяйка засуетилась, подставляя пришедшим чистые приборы. К столу, рядом с Зигисом – щуплым отпрыском трактирщика, – присели и братья Петерсоны – Бруно и Волдис – сыновья лавочника из соседнего поселка. Оба крепкие, рослые, знающие себе цену парни. Аболтиньш постучал вилкой по кружке.

– Draugi! Я хочу сказать... – Он оглянулся на сына и вдруг спросил: – Зигис, в чем дело? Для чего мы тащили свежее пиво?

Отпрыск бросился к бочке – тугая струя ударила в кувшин.

– Друзья! – повторил Аболтиньш, подняв пенящуюся кружку. – От нас ушел замечательный человек, наш друг Янис Банга... Такая уж доля рыбацкая. Сегодня он, завтра еще кто-то... Но Янка... Да что там говорить!.. Какой был рыбак! Какой дом поставил! Какого сына вырастил! Помянем его душу светлую.

Все молча выпили, Андрис, поднявшись из-за стола, угрюмо буркнул:

– Пойти покурить...

За ним поднялись Марцис, Лаймон, Фрицис Спуре, другие рыбаки. Столпились во дворе возле опрокинутой лодки.

¹ Члены кулацко-фашистской военизированной организации в буржуазной Латвии.

– Благодетель! На пиво расщедрился, – зло сплюнул Спуре, набивая трубку. – Рыбак трактирный.

К Улдису Аболтиньшу отношение в поселке было одинаковым: его не любили и боялись. Уж больно хищной оказалась эта рыбина для доверчивых и простодушных рыбаков. Рыжий, худой, угодливый, он каким-то непостижимым образом быстрее всех умудрялся оказаться там, где случалась беда. Одалживал, ссужал, перекупал, посредничал... Уже через полгода жизни на побережье – Аболтиньш обосновал здесь трактир в тридцать втором году – в поселке не осталось ни одного человека, не обласканного им. Даже Озолс, и тот частенько оказывался после выпивки в должниках у трактирщика.

Аболтиньш никогда не торопил клиентов. Он даже не любил, когда рыбаки расплачивались сразу. Что, мол, за мелочные счета со своими – успеется. А потом Озолс не раз ловил себя на мысли, что не может вспомнить, сколько же в действительности выпил рюмок. Надо бы, конечно, заплатить сразу, тогда и голова не пухла бы от сомнений, но у кого хватит духу так сразу взять и расстаться с деньгами. Тем более если тебя не торопят.

Труд у рыбака тяжелый, как волна в штормовую пору. Терпит рыбак, терпит, гнется на веслах, гнется, а потом как расправит плечи, как полыхнет жаркой удалью... Эх! И пойдет гулять.

Сколько выпито, сколько съедено – один Господь знает, да не скажет. Аболтиньш тем более.

Жена под стать мужу-трактирщику. Посоветовать, погадать, принять роды, дать зелье от простуды, сшить, раскроить, сварить, посолить, накоптить, высушить – она тут как тут. Сын Зигис – вылитый отец. И всегда при родителе. Встретит, проводит, подаст, нальет, подогреет, остудит, улыбнется, музыку вкрутит... Радуйтесь, горемыки. А наутро... Черт его знает, как оно случилось. Ты уж, Улдис, не гневайся, обожди. Вот сходим в море... Да что вы, друзья, о чем разговор? Нам ли считаться? Идите с миром. Вот и все. До следующей попойки. Страшный человек Аболтиньш. Без него трудно, а с ним еще труднее. Протяни палец – всю руку отхватит.

Думая о своем, вздохнул Марцис:

– Эх, Янка, Янка, отчаянная башка! Ну кто его гнал одного в море?

Рыбаки покачали головами, толковали невесело: «Думал, ему вместо салаки золото в сети попрет», «Дом-то новый, денежку тянет», «Да-а... Туго им теперь придется. На одной страховке из долгов не выплывут». Молчавший до сих пор Калниньш выбил трубку:

– Надо бы им как-то помочь.

– Может, правление? – неуверенно подал голос кто-то из рыбаков.

Калниньш насмешливо прищурился:

– Держи карман шире. Скажи спасибо, если похороны оплатят. Помнишь, как было с Эриком? – Он замолчал, увидел вышедшего на крыльцо Артура.

– Что же вы тут? – глухо спросил тот. – Мать к столу просит.

Рыбаки пошли в дом. Калниньш на секунду задержался, положил ему руку на плечо:

– Я уж думал, отца без тебя похороним.

– В рейсе были.

– Ну а как дальше с твоим училищем будет?

Артур пожал плечами. Что он мог ответить? Неужели Калниньш не понимает, какое у него положение? Плата за учебу, кредит, взятый на постройку дома, долги по мелочам, долги покрупнее... А мать? Кто станет ее кормить, заботиться о ней?

Вспомнился отец. Неугомонный, отчаянный, никогда не терявший надежды неудачник-оптимист, он так и не смог смириться с нуждой, опутавшей их по рукам и ногам. Такой уж он был человек, отец: верил в свою планиду, рвал жилы, недоедал, недосыпал, а сняться с мели никак не мог. Видно, счастье ему попало особое: вот-вот, казалось, забрезжил про-

свет на горизонте – дом новый поставил, лодку купил, сына определил на капитана учиться – и вдруг на тебе, все прахом пошло. Начинай сначала, молодой хозяин.

Кто не сталкивался с рыбацким трудом, тому трудно представить жизнь на побережье. В стужу и зной, днем и ночью, в дождь и туман, с напарником и в одиночку, здоровый ты или больной, молодой или старый, паши и паши это проклятое море, таящее в своих глубинах самые неожиданные и коварные сюрпризы. До кровавых чертиков в глазах, до хруста костей, до треска лопающихся жил. Язык прилипает к гортани, сердце вот-вот готово вырваться из груди, а волна все бросает тебя вверх-вниз, вверх-вниз. Глотай соленый воздух и лови, черпай обессиленными руками свое счастье. Сто раз забросишь, один раз поймаешь. Из дня в день, из жизни в жизнь, от отца к сыну, от сына к внуку.

Земля у рыбака не в счет – так, самая малость – клочок у дома. Скота – и того меньше. Море – единственный кормилец. Оно давало жизнь, но оно же и отбирало силы, каплю за каплей. Ни на что другое их уже не оставалось. На доходы не разгуляешься. Рыба – товар нежный, скоропортящийся: вовремя не продал – считай пустую сеть вытащил. Скупщики, перекупщики – хитрый народец – прекрасно знали это и диктовали свою цену. Не нравится, поступай как знаешь. А куда денешься? Потатишь улов на рынок? Пробовали. Себе дороже получалось. Построить ледник, копильню? Пороху не хватит. К тому же с утлыми лодчонками, рваными сетями да пустыми карманами далеко не уплывешь. Кто-то наживался, а кто-то, как был, так и оставался у разбитого корыта.

В середине тридцатых додумались, правда, до акционерного общества «Рыбак» с центральным правлением в Риге и местными отделениями по всему побережью. Организаторы на посулы не скупились. Они обязывались обеспечивать рыбаков кредитами, сетями, моторами, горючим, но, само собой, не безвозмездно: те, в свою очередь, должны были сдавать уловы только представителям общества. С этого времени многое вроде бы изменилось в поселке: появились моторные лодки, добротные сети, стали богаче уловы, не надо было ломать голову, как и куда сдать рыбу. Но нужда почему-то осталась прежней. Кредиты приходилось возвращать. Кое-кто залезал в такие долги, из которых выпутаться собственными силами уже был не в состоянии. И тогда оставалось одно: отрабатывать их своим горбом.

Впрочем, были на побережье и довольные. Управляющий отделением в поселке Якоб Озолс не мог пожаловаться на судьбу. Твердый оклад, регулярные добавки от прибылей за реализованный товар изо дня в день увеличивали его и без того завидное состояние. Однако здесь, пожалуй, следует рассказать кое-что поподробнее.

Всю жизнь Озолсы и Банги были соседями. Притом не просто соседями, а друзьями. В прежние времена их объединяло многое: и нужда, и общность взглядов, и страстная жажда разбогатеть. Даже внешне Якоб Озолс и Янис Банга были похожи. Их часто принимали за братьев, и в этом не было ничего удивительного. Они всегда вместе рыбачили в море, вместе уходили зимой на озера, батрачили, слонялись по Риге, не гнушаясь никакой работой – лишь бы деньги платили. Никогда не считались между собой и готовы были отдать друг за друга душу. Впрочем, имелась у них одна несхожесть: Банга делал все весело, как бы играючи, с деньгами расставался легко и просто, Озолс, напротив, к работе относился с угрюмой сосредоточенностью, а заработанное тратил неохотно. В остальном же они действительно были как братья. Правда, до поры до времени – пока оба не влюбились в одну девушку. Ухаживали за ней честно, не подставляя друг другу ножку, не используя хитрых уловок и не применяя недозволенных приемов. Но что поделаешь – любовь есть любовь. И порождает она не только добрые чувства. Ей сопутствуют и зависть, и восторг, и ревность, и боль, надежда и отчаяние. Побеждает всегда один. По-другому еще никогда не получалось.

Так вышло и здесь. Зента, молодая красавица рыбацка из соседнего поселка, постепенно стала отдавать предпочтение Банге. Это и дало первую, едва заметную трещину в их взаимоотношениях. Нет, внешне они по-прежнему оставались друзьями – верными и пре-

данными. Подумаешь, предпочтение... Это дело такое, думалось Озолсу, сегодня повезло Янке, а завтра, глядишь, подфартит и мне. О том, чтобы отступить, не могло быть и речи. Но тут случилось одно обстоятельство: Якоб потерял ногу. Произошло это глубокой осенью во время сильного урагана, налетевшего на побережье. Надо было спасать карбасы – их уже захлестывали волны. Озолс одним из первых бросился в воду и, не задумываясь, подставил плечо, чтобы оттащить лодку к берегу. Однако, не сделав и двух шагов, не смог удержаться на ногах, поскользнулся. Налетевшая волна ударила в спину и завершила дело: Якоб упал, товарищи не сумели удержать карбас, и он, рухнув всей тяжестью вниз, раздробил парню ногу.

Врачи были бессильны. Через полгода Озолс, осунувшийся и посеревший, с поблекшими от боли и отчаяния глазами, появился в поселке и, как немой укор, проковылял на костылях к своему дому. Он ни с кем не хотел общаться. Даже с лучшим другом Янкой обменялся несколькими скупыми, ничего не значащими словами. И надолго замкнулся в своем одиночестве и горе. Рыбаки решили помочь товарищу – сбросились, заказали протез в Риге. Якоб протез принял как должное, поблагодарил, но помрачнел после этого еще больше. Видно, воспринял поддержку как милостыню, брошенную несчастному калеке. Милостыню жалкую и унижительную. Деревяшкой, мол, откупились.

Настроение Якоба усугублялось еще и тем, что за время его отсутствия лучший друг Банга женился на Зенте. И хотя здравый смысл должен был бы подсказать, что ничего сверхъестественного не произошло – симпатии девушки так или иначе еще и до несчастья склонялись в пользу Янки, – Озолс без устали терзал свое воображение: это случилось, думал он, только потому, что Янка нечестно воспользовался его бедой. Теперь трещина между ними разошлась настолько, что перешагнуть через нее становилось все труднее и труднее. Встречались все реже. При этом, как правило, по необходимости или случайно. Озолс к Бангам не заходил. Ему было невозможно видеть чужое семейное счастье, ловить на себе сочувствующие взгляды, выслушивать утешения. Он все больше ожесточался и замыкался. Мать Якоба, робкая, безответная старуха, – отца Озолса шесть лет назад задавило на лесоповале, – обливалась горячими слезами, но ничем помочь сыну не могла. Якоб озлился на весь мир. Особенно на тех, кто находился рядом. Им он не прощал ни здоровья, ни успехов, ничего не прощал. Когда забывали о его существовании – мало ли у людей своих забот и хлопот, – Якоб переполнялся желчью и обидой. Когда друзья вспоминали о нем и приходили на помощь или просто с добрым словом, Озолс раздражался еще пуще прежнего. Он не хотел принимать подачек, никому не верил и продолжал страдать от своего бессилия и обездоленности. Даже слезы матери принимал не с теплой сыновней благодарностью, а с холодным недоверием. Ему всюду что-то мерещилось, в каждом слове он находил другой, скрытый смысл, а самое главное – ему становилось невозможно ежедневно встречаться с Янкой и его молодой женой.

Потом Озолс неожиданно исчез. Ушел, чтобы никому не мозолить глаза и себе не надирать душу. Он ни с кем не советовался, ни с кем не прощался. Даже дома не сказал, куда и зачем уходит. Потом мать стала получать от сына короткие, скупые записки, небольшие денежные переводы, но где он находится и чем занимается, Озолс не сообщал. Так длилось около двух лет. И вдруг он объявился в поселке. Да не один, а с молодой женой – тихой, болезненной на вид женщиной, примостившейся рядом с ним на добротной повозке, которую бойко тащила довольно приличная лошаденка. Сзади за телегой плелась корова. Появление блудного сына, да еще с женой, да к тому же на собственной лошади и с коровой, вызвало у рыбаков много толков и пересудов. Кто такая, откуда? Сам Озолс по этому поводу не распространялся. Зажил своим миром, с жадной ненасытностью набросился на работу. Поправил дом, прикупил земли, обзавелся лодкой. Сам в море – куда ему на деревяшке – не пошел, нанял двух работников. Рыбаки дивились: откуда что взялось? Кто-то пустил слух,

что Якоб женился на деньгах. Как потом выяснилось, это было правдой. От людского глаза не скроешься.

В поисках пристанища судьба занесла молодого рыбака далеко от дома, на хутор к богатому хозяину. Здесь ему повезло – сказалась прирожденная способность парня к различным ремеслам: он неплохо шорничал, столярил, ловко управлялся в кузнице. Хозяин быстро смекнул, какую выгоду может принести новый работник, и уже через несколько дней они ударили по рукам. Сговорились на год. Для начала – на половинном жалованье. Хитрый хуторянин отлично понимал, что одноногому деваться некуда. Если б он тогда знал, во что обойдется ему собственная жадность!

Затаив в душе обиду, новый работник не без корысти присмотрел одну из трех хозяйских дочерей, Дзидру, – неприметную и хилую девушку. Она была настолько невзрачна, что отец, несмотря на солидное приданое, не надеялся выдать ее замуж. Озолс рассчитал точно: сестры помоложе и покрасивее могут и не клюнуть на работника-калеку. Да и отец, случись что, наверняка заартачится. А с этой... Чем черт не шутит – дело могло и выгореть.

Прицел оказался верным. Что предпринимал Якоб, какие говорил слова, как ухаживал – все это осталось скрытым от людских глаз. Никто ничего не замечал до той поры, пока «Золушка» сама не бросилась со слезами на глазах в ноги к отцу и, заламывая от отчаяния руки, не объявила, что она на сносях. Озолс тоже был здесь. Он стоял поодаль, хмуро, из-подо лба наблюдая за происходящим. Вначале все шло именно так, как он и предполагал: хозяин без долгих колебаний выгнал вон неблагодарную дочь и коварного оболести-теля. Выгнал, как вышвыривают нашкодившую собаку. Без жалости и без всяких средств к существованию. Молодая безутешно рыдала, Озолс загадочно усмехался. Он знал – должно пройти время. Знал и дождался. Разгневанный родитель постепенно успокоился, поразмыслил и пришел все-таки к выводу, что дело складывается не так уж и плохо: с помощью этого хромого кобеля можно и обузу с плеч сбросить, и на приданом сэкономить. Поартачившись для виду денек-другой, он сам разыскал негодников, отчитал для порядка, о чем-то переговорил с соблазнителем и наконец простил. Даже кое-что выделил для начала: лошадь, корову, немного денег. Но Якоб остался доволен и этим. Теперь можно было начать задуманное.

Словом, когда закончилась Первая мировая война и Янка вернулся в поселок – Бангу призвали в девятьсот четырнадцатом и он, как говорится, оттрубил от звонка до звонка, – солдат не узнал бывшего друга. Озолс раздобыл, залоснился, его движения и речь стали неторопливо значительными, во взгляде заledenела сытая барская снисходительность. Ну что, мол, выкусили?

Работал он, правда, как одержимый. Не давал покоя ни себе, ни близким. С толком использовал каждый сантиметр – здесь у него тоже прорезался особый талант – и вскоре стал самым солидным человеком в поселке. Теперь уже к нему потянулись за помощью. Якоб не отказывал. Ссужал, одалживал, благодетельствовал... Конечно, не безвозмездно. Он как бы возвращал долги – со сладостным, мстительным упоением. Богатство Озолса росло, разбухало на глазах. Как по мановению волшебной палочки возникали новый дом, очередной надел земли, кусок леса, мельница, лодки... Теперь он давал работу, диктовал условия жизни в этом крохотном мирке на берегу Балтийского моря.

Жену Озолс не замечал настолько, что даже удивился, когда она, вдруг отчаянно вскрикнув, упала посреди двора прямо на землю. С чего бы это? Удивился и тут же забыл. О том, чтобы дать жене передышку, позволить отдохнуть или хотя бы поваляться лишний часок в постели, об этом не могло быть и речи. От зари до зари, не покладая рук, не разгибая спины, не надеясь на участие или снисхождение, она работала, работала и работала. До тех пор, пока страшная боль не парализовала ее тело и волю. Кричала она недолго, словно боялась нарушить покой мужа, и родила девочку.

Озолс, узнав об этом, досадливо крикнул: судьба и здесь хлестнула по его самолюбию. Всего год назад Зента подарила Янке прекрасного мальчишку, наследника. Якоб равнодушно согласился назвать дочь Мартой и вновь забыл о существовании жены. На сей раз не надолго. Когда сообщили, что Дзидра умирает, его охватило не столько чувство жалости, сколько досады: нашла время, в самую страду.

Возвращаясь с кладбища, он вдруг поймал себя на мысли, что совсем не помнит, каким было лицо у жены. И тут же успокоился – нет так нет. Что уж теперь заниматься покойниками, когда своих дел невпроворот. Надо решать, кто присмотрит за ребенком, кто возьмет на себя хозяйство. Мать ослабела настолько, что уже не вставала с постели. Одному не под силу, а кому попало не доверишься. Была бы родня как родня... Неподалеку от Цесиса на собственном хуторе жила сестра Якоба с мужем и тремя детишками. Женщина алчная, властная – такую только подпусти к добру. Где-то существовали еще родственники. Но к ним у Озолса с годами выработалось особое отношение: не знал он их раньше, не хотел признавать и теперь. Это были мухи, готовые слететься на сладкий пирог. Нет уж, лучше иметь дело с чужими людьми. И договориться проще, и расстаться в случае чего не так сложно. А что касается дела, так это зависит не от родственных чувств, а от самого человека, которого нанимаешь. Печется о хозяйском добре, не отлынивает от работы – милости просим, лодырничает, норовит урвать лишний кусок от чужого пирога – скатертью дорога.

У Озолса с некоторых пор зрела одна мыслишка. На краю поселка, в маленьком, подслеповатом, скорее похожем на сарай домишке жила молодая семья Петериса Зариньша – огромного меланхоличного мужика с вечно сонливым и придурковатым выражением лица. Это был самый бедный и самый неудачливый человек в поселке. Его давно не величали по фамилии, да он и сам ее, наверное, не очень-то и помнил – Петерис и Петерис. Зариньшу всегда доставалась самая черная работа, перепали мизерные заработки и вообще его никто не принимал всерьез. У Петериса даже долгов не было, потому что ему не одалживали – все равно пропьет. Единственное, чем мог похвастать незадачливый рыбак, так это молодой женой. Как она ему досталась, эта развеселая вдовушка, для всех оставалось загадкой.

Эрна была предметом тайного вожделения многих, особенно – женатых мужиков на побережье. Ее имя произносилось с плутовской ухмылкой, всякое упоминание о ней доставляло бдительным женам немалые страдания. Стоило Эрне пройти по поселку – двигалась она эдакой небрежной, слегка покачивающейся походкой, как бы давая возможность лучше разглядеть и оценить ее прелести, – как лица женщин наливались болезненной зеленью, в глазах зажигался злой блеск, а губы кривились, словно их омочили в уксусе.

Вдова-солдатка не скрывала своих притязаний на семейное счастье. Действительно, зачем притворяться? Не имея средств к существованию, с больной старухой-матерью и пятилетним ребенком на руках, могла ли она на что-то рассчитывать? Сегодня еще заглядываются, а завтра? Что будет завтра, когда она постареет и подурнеет? Эрна со злым торжеством наблюдала, как сустились подле своих благоверных ее недавние подруги, какими взглядами провожали ее – лакомый для поселковых мужиков кусочек. Гордо вскинув голову, она проходила мимо, оставляя за собой тревожный след неудовлетворенных желаний и страхов. А по ночам плакала. Потому что ничего путного не намечалось – так, баловство одно. Рыбаки поначалу шли на приманку, заплывали в ее конуру, не скупившись на посулы, но, добившись своего, тут же выныривали на поверхность и поспешно швартовались в привычной семейной гавани.

Попытал было судьбу и Озолс, но безуспешно. Тут уж сама вдова заартачилась: кому-кому, а одноному мешку с деньгами она и вовсе не верила. Якоб был не на шутку озадачен и раздосадован. И хотя эта женщина, к его приятному удивлению, оказалась не такой ветреной, как о ней болтали в поселке, самолюбие Озолса все же было уязвлено: ему, да от ворот поворот?

Но именно в этот момент и случилось неожиданное: Эрна вышла замуж за Петериса, приютив его у себя в доме. Чего только ни плели досужие языки, каких только предположений ни высказывали. Но разгадки происшедшему не находили. В том числе и сам Петерис. Просто после очередной попойки Зариныш проснулся однажды рядом с Эрной у нее в постели, протер от изумления глаза, а спустя недолгое время узнал, что он – отец будущего ребенка. Может, кто другой и усомнился бы в этом, тем более что Петерис ничего не помнил, но незадачливый любовник поверил. Он даже улыбнулся, что бывало с ним крайне редко. Вот, собственно, и все. А истинную правду мог рассказать только один человек – сама Эрна. Почувствовав, что она беременна – в последнее время к вдовушке похаживал Андрис Суна, рыбак из соседнего поселка, – и понимая, что у нее осталось только два пути: или веревку на шею, или затащить мертвеца пьяного Петериса к себе в постель, Эрна после долгих и мучительных колебаний остановилась на Зариныше. Никого другого околпачить все равно не удалось бы.

Озолс, узнав эту новость, так расстроился, что напился до беспамятства. У него было такое ощущение, будто его нагло обворовали. Однако, поразмыслив, он быстрее других сообразил, что свадьба эта не случайна и что у бабенки, по всей видимости, не было другого выхода. А если так, то дело могло принять весьма неожиданный и интересный для Якоба оборот. В голове завертелась назойливая, соблазнительная мыслишка. Но он решил не спешить, приглядеться.

Эрна родила. Родила как-то подозрительно скоро, и в поселке снова заговорили о странном замужестве. Выходило, что Петерис соблазнил свою будущую жену по крайней мере за два месяца до свадьбы. Этому никто не верил, потому что связь Эрны с Андрисом Суней в особом секрете не держалась. Поползли сплетни, одна другой чернее и ядовитей. Поселковые кумушки с нетерпением ждали, что сделает Петерис. А тот, как ни в чем не бывало, утром уходил в море, вечером возвращался домой, помогал жене по хозяйству, нянчил ребенка. Если подворачивалась возможность, напивался. В общем, вел себя так, будто ничего вокруг себя не видел и не слышал. Рыбаки глядели ему вслед и озадаченно пожимали плечами: то ли блаженный, то ли прикидывается. Так или иначе, сплетни постепенно поутихли, страсти улеглись. Эрна ходила по поселку кроткая, тихая, вся какая-то просветлевшая и умиротворенная.

К тому времени у Озолса как раз умерла жена, встал вопрос о хозяйке. Вернее, о человеке, который мог бы позаботиться и о нем самом, и о его добре, и о сильно сдавшей матери. Якоб прикинул: тут как нельзя лучше подходят Петерис и Эрна. Она молодая, работающая. Таковую подкормить, приодеть, приласкать – Озолс не оставил своих прежних намерений, – по гроб жизни будет привязана и благодарна. А Петерис не помеха. Якоба вполне устраивал этот медлительный битюг. Почаще его запрягать да побольше наваливать в телегу. И пользу принесет, и ни черта не заметит.

Вскоре молодожены обосновались в доме Озолса. Обязанности Петериса определились сразу: коровник, конюшня, мельница – словом, все, что потяжелее и погрязнее. Что же касалось Эрны, то здесь не все было понятно. То ли кухарка, то ли экономка, то ли... В поселке уже судачили: Якоб одним махом приобрел себе и батрачку, и любовницу. По общему мнению, должен был вот-вот разразиться скандал. Но убегало время, а ничего не происходило.

Напротив, все в этом странном треугольнике, казалось, были вполне довольны. Эрна на глазах захватывала в доме все большую власть, покрикивала на работников, а иногда и на самого хозяина, раздавалась в плечах и бедрах. Заплывал жирком и Озолс. Один Петерис, как и прежде, тащил свой воз. Тяжело, угрюмо, ни к чему не приглядываясь, ни во что не вмешиваясь. Единственное, что для него изменилось, так это то, что он мог теперь чаще прикладываться к рюмке. Днем работал, а вечером напивался. И хозяин этому не препятство-

вал, а даже способствовал. Все шло своим чередом. Именно так, как и предполагал Якоб. Размерно, удобно, выгодно.

Мать умерла, Марта подрастала. Дочери Озол почти не замечал. Копошится в доме какое-то существо, ну и пусть себе копошится. Одета, накормлена, чего еще? Марта росла тихой, замкнутой, малообщительной девочкой. Рано лишившись матери и почти не зная отцовской ласки, она чуть ли не с пеленок привыкла к самостоятельности, редко кого о чем-то просила, добросовестно и послушно помогала по хозяйству. Была неказиста: худенькая, бледненькая, с большими, вечно испуганными глазами. Какая-то вся нескладная и угловатая, она покорно склоняла голову, выслушивала замечания взрослых, никому не перечила. Озол с жалостью и досадой поглядывал на дочь: справедливо, видать, говорится, что яблоко от яблони недалеко падает. Якоб с неприязнью вспоминал о своей покойной жене: вот уж наградила так наградила.

Училась Марта хорошо, очень любила читать, но с детьми сходилась неохотно. Только в третьем классе подружилась с Бирутой Спуре, дочерью местного рыбака Фрициса. Впрочем, если говорить о привязанностях Марты, то справедливости ради следует заметить, что первый и настоящий друг у нее появился значительно раньше. Это был Артур, сын Яниса Банги. То ли потому, что соседи, то ли потому, что почти одногодки, то ли еще почему, но их всегда видели вместе. Они с одинаковым интересом строили на берегу песчаные крепости, лазали по деревьям, укладывали спать кукол и занимались вышивкой. Дивились поселковые женщины, кричали досадливо мужики: что за странный мальчишка, что за ненормальная девчонка?

Озол поначалу не обращал внимания на их дружбу. Мало ли чем занимаются дети. Не хватало ему еще и этой ерунды. Но один маленький, казалось бы, совсем незначительный случай заставил его насторожиться, посеял в душе смутную тревогу. Как-то невзначай, без всякой задней мысли он беззлобно пошутил над Артуром. Что-то вроде того, что у капитана два кармана, в одном пусто, в другом не густо – Артур сам в порыве откровенности признался соседу, что мечтает стать капитаном. Пошутил и удивился, как изменилось лицо дочери. Оно словно окаменело, в сузившихся глазах-щелочках вспыхнули недобрые огоньки. Ого! Вот ты, значит, какая! За внешней материнской безропотной покорностью скрывалась его, отцовская натура. Решив удостовериться в своем предположении, Якоб велел дочери не якшаться с соседским мальчишкой. Не потому, что и впрямь хотел прервать их дружбу – нет, ему просто хотелось проверить, исполнит ли Марта волю отца. Вышло, как он и предполагал: девочка не перечила, но сразу же после этого разговора убежала к своему дружку. Это и обрадовало Озола, и огорчило. Он стал внимательней приглядывать за дочерью, постоянно открывая в ней что-то новое.

А потом случилось и вовсе невероятное: годам к двенадцати Марта на глазах удивленного поселка стала преображаться. Исчезли нескладность и угловатость, зарумянились щеки, неожиданной синью полыхнули глаза, набухли вишневой спелостью губы. Озол дивился вместе со всеми. А потом стал проявлять к дочери непривычное внимание: запретил делать тяжелую работу, заново обставил ее комнату, накопил нарядов.

Теперь он как бы восполнял недоданное. Но ответного расположения добиться не мог. Марта принимала подарки, благодарила, однако по-прежнему оставалась замкнутой и малообщительной. Озол подъезжал по-всякому: и с лаской, и со строгостью, но Марта замыкалась еще больше. Отец встревожился не на шутку. То, чему он не придавал значения, теперь оборачивалось против него большой неприятностью. Дружба его дочери с соседским мальчишкой принимала все более недвумисленный и угрожающий оборот.

Если бы Якоба спросили, чего он пуще всего боится, тот, пожалуй, и не ответил бы. Не хочет отдавать дочь за бедняка? Конечно, было бы куда лучше заполучить зятя посостоятельней. Но разве это главное? Руки да голова на плечах – вот что нужно. Якоб не мог сказать об

Артуре ничего худого. Скромный, работающий, не дурак. Следовало бы добавить: красивый, но это качество для Озолса существенного значения не имело. Он всегда оценивал человека не по шевелюре, а по мозолям. Что же тогда не устраивало привередливого родителя?

Озолс ни за что не хотел признаться даже самому себе, что дело не в Артуре, а в нем самом, в его незажившей и мучительной ревности. Когда-то Янис Банга увел у него Зенту – Якоб упрямо считал, что его бывший друг поступил нечестно. Теперь сын того же Яниса Банги намеревался увести дочь. Нет уж, дудки! Только не это. Был момент, когда Озолсу показалось, что судьба сжалилась над ним: Артура, наконец, приняли в морское училище, о котором тот мечтал с пеленок. «Ну и слава богу, – облегченно вздохнул Якоб, – с глаз долой, из сердца вон. Глядишь, и одумается девка». Но каково же было его отчаяние, когда через год, закончив гимназию, Марта объявила, что хочет поступить в университет, уехать в Ригу. Боже, как всполошился отец! Отговаривал, доказывал, что это занятие вовсе не для девушки, но Марта стояла на своем. Пугал Якоба, конечно, не университет, а то, что дочь окажется с Артуром в одном городе. Попробовал приструнить девушку, намекнув на недостаток средств для большой учебы. Она спокойно возразила, что найдет в городе работу, сколотит необходимую сумму и все-таки будет учиться. Словом, никакие доводы и увещания не помогли. Марта уехала в Ригу, поступила в университет. Отец с ненавистью поглядывал на соседское подворье: неужели придется еще и породниться?

Взаимоотношения Озолса и Банги складывались весьма своеобразно: после возвращения с войны Янке и в голову не приходило, что он когда-нибудь станет просить помощи у своего бывшего товарища – очень уж чужим предстал новый Якоб. Мстительный, алчный и завистливый. С худой славой и нечистой совестью. Он попытался было вызвать Озолса на откровенность, поговорить с ним по душам – как-никак друзья, хоть и бывшие. Куда там! Якоб так высокомерно посмотрел на него, словно плевром смазал. Больше к этому не возвращались. Да и вообще, встречались и разговаривали все реже. Не было такой необходимости.

Трудно пришлось Янке на первых порах. Хозяйство, и без того немудреное, окончательно развалилось. Единственная коровенка и та околела. Как ни старались отец с матерью и невесткой, нужда обкладывала их все сильнее и сильнее. Спасибо еще старшему брату Модрису. Наезжал из Латгалии, помогал. Да много ли оторвешь от себя, когда у самого пять ртов? А родители Зенты – у нее единственный брат уже долгие годы скитался где-то на чужбине – были настолько немощны, что им самим требовалась забота.

Янка брался за любую работу, соглашался на самые кабальные условия, пытался и так и эдак поправить дело, но ничего путного не выходило. Особенно туго скрутило в тридцатые годы. Порой доходило до того, что в доме не оставалось крошки хлеба. Зента несколько раз намекала насчет Озолса, но муж делал вид, что не понимает. Тогда она рубанула прямо, без обиняков: мол, без помощи соседа не продержаться. Янка сверкнул на нее бешеными глазами и в сердцах выскочил из дома. Он все еще надеялся удержаться на поверхности. Но беда, как известно, не приходит одна: вначале отошли в мир иной родители Зенты – умерли они почти одновременно. Затем с разрывом в полгода Янка похоронил своего отца, а за ним и мать. Расходы, связанные с похоронами, окончательно подкосили рыбака. Когда он, весь почерневший от пережитого, не зная, куда деться от стыда и унижения, пришел к Озолсу – это произошло девять лет назад, – тот глазам своим не поверил. Кого-кого, а Яниса Бангу в роли просителя он никак не представлял. Видно, крепко допекло мужика.

Надо отдать должное Якобу – он не стал чваниться перед бывшим другом. Ему было довольно и того, что Банга сам пришел на поклон. Одолжил бедняку денег. Предложил было по старой дружбе без отдачи, но рыбак наотрез отказался. Не захотел Янка принять и льготных условий расчета: обычно Озолс забирал себе половину улова, здесь же соглашался и на треть. Этим он как бы ставил последнюю точку в их дальнейших взаимоотношениях.

Рыбак убеждал себя, что вся эта затея надолго не затянется. Месячишко-другой поработает, вынырнет из пучины, а там...

Но судьбе было угодно распорядиться иначе. Безработица в городах в те кризисные годы становилась угрожающей. Тысячи крепких молодых людей не знали, к чему приложить силы, хватались за любое дело. Поток безработных устремился в деревню, в том числе и на побережье. Любой хозяин отныне, особенно весной, мог отбирать из этой толпы кого угодно и сколько угодно, разумеется, мог диктовать любые условия.

Янис Банга работал не покладая рук. Один, без напарника, в хорошую погоду и в ненастье. Он, казалось, и ночевал в лодке. Тем не менее заветная цель оставалась по-прежнему такой же далекой и недостижимой, словно бы рыбак греб против сильного течения. То, что когда-то представлялось временным, постепенно растянулось на долгие мучительные годы. Было невыносимо сознавать собственную беспомощность. Все при тебе: и руки, и ноги, голова на месте, а сделать ничего не можешь. Будто спелёнутый ребенок. Хотя умом Банга, конечно, понимал, что с ним судьба обошлась еще более или менее милостиво – и крыша над головой есть, и кусок хлеба на столе. Зента умудрялась даже кое-что откладывать на черный день. И все равно на душе было мерзко. Особенно когда пришлось поклониться Озолсу. Янка стыдился жены, конфузился соседей, даже перед маленьким сыном испытывал неловкость. А потом смирился. Вернее, не смирился, а заставил себя взглянуть на вещи иными глазами. Какого черта переживать? Разве он не собственным горбом зарабатывал себе на кусок хлеба? Не нравился Озолс? А не все ли равно, на кого шею гнуть? Не Озолс, так другой.

Потом организовалось акционерное общество «Рыбак». И хотя Якоб с самого начала стал бессменным управляющим его отделения в поселке, выглядело все это уже по-иному: более благопристойно и не так унижительно. Отныне Банга числился не батраком у хозяина, а равноправным членом-пайщиком кооператива. Таким же, как Озолс и другие. Работы добавилось, но заработки почти не изменились. Однако теперь Бангу волновали другие заботы: подрастал сын, смысленный и удачливый помощник: за что бы ни брался Артур – отец, вопреки запретам матери, таскал его в море с пяти лет, – у него все выходило толково и споро. Даже выдавшие виды рыбаки удивленно покачивали головами – надо же уродиться такому! Банга втайне гордился сыном, хотя внешне сохранял обычную суровость. Он связывал с Артуром самые светлые свои надежды. Чем черт не шутит, глядишь, и выйдет в люди. Хочет стать моряком? Надо сделать все, чтобы он поднялся на капитанский мостик.

Тревожило другое: у них с Озолсом опять начинались какие-то странные и непонятные взаимоотношения. И виной этому теперь уже были не они сами, а их дети. Янка так же, как и Якоб, вначале не обращал внимания на привязанность Артура к Марте. Затем, не без помощи жены, присмотрелся внимательней и, к своему удивлению, обнаружил, что сын действительно неравнодушен к соседской девчонке. Это не вызвало столь болезненной, как у Озолса, реакции, хотя невольная мысль о возможном родстве неприятно кольнула душу. Только этого не хватало.

Трудно сказать, как сложились бы их отношения в дальнейшем, попридержи Озолс свое недовольство. Но Якоб был так раздосадован и обескуражен, что едва владел собой. При встречах говорил резко, отрывисто, на Артура старался или вовсе не смотреть, или награждал такими взглядами, от которых невольно пробирал озноб. Якоб даже не догадывался, каким союзником в этом деле был для него Янис Банга. Много мог снести рыбак: холод и нужду, обиду и несправедливость, но простить пренебрежение к сыну... Он потребовал, чтобы Артур не приставал к девчонке и не морочил ей голову. Потребовал и обескураженно отступил: сын посуровел и замкнулся. Никакие угрозы не помогали. Напротив, невинная детская дружба у всех на глазах перерастала в настоящую любовь.

По поселку снова поползли слухи. Конечно, никто не верил, что Озолс когда-нибудь согласится выдать дочь за сына Яниса Банги – слишком глубокая расщелина пролежала

между их домами. Но людям доставляло большое удовольствие наблюдать, как поведет себя их одноногий управляющий. Властный и всегда уверенный в себе, Якоб в этой истории предстал перед всеми обычным человеком – отцом, который не может справиться со строптивой дочерью.

На другом краю расщелины кипели не меньшие страсти. Там тоже не могли отвести Артура от Марты. Призвали на помощь Калниньша – самого близкого и давнего друга семьи. Когда-то Янка и Андрис служили в одном полку, вместе кормили вшей на германском фронте, потом помогали русским большевикам устанавливать в Питере и Москве народную власть. В девятнадцатом вернулись в Латвию – устанавливать Советы, однако продержаться долго не сумели. С тех пор осели на побережье и жили между собой душа в душу, ожидая лучших перемен. Подружились жены, а сыновья – Артур с Лаймоном – росли точно братья.

Андрис Калниньш человек суровый, обстоятельный. Из тех, кто попусту слов на ветер не бросает. Сказал – сделает, пообещал – выполнит. Но и с другого спросит той же мерой, никому не побоится сказать правду. Его уважали и боялись. Уважали за доброту и честность, рассудительность и смелость, боялись меткого языка и прямоты. Даже те, кто были у власти и при силе, предпочитали без особой на то нужды не задевать своенравного рыбака. В отличие от Яниса Банги, который все же свыкался с обстоятельствами и наивно верил в посулы, Калниньш никогда попусту не обольщался. Он всегда точно знал, кто виноват в их бедах и с кем надо бороться. Терпеливо разъяснял, убеждал и отчаянно страдал от того, что люди не замечали и не понимали очевидных вещей. А если и понимали и даже соглашались с ним, то все равно больше чем на разговоры их не хватало. Чаше всего Андрис спорил с Янкой. Его бесило, что у Банги после девятнадцатого года будто хребет надломился – стал он каким-то покорным, пассивным, а в последнее время откровенно мечтал и поговаривал о личном благополучии. Видно, стремительный взлет Озолса не прошел бесследно мимо души бывшего дружка – вырубил-таки свою щербинку.

– Много ты наловишь в одиночку? – сердито допытывался Калниньш.

– Сколько ни наловлю, зато вся моя.

– Твоя? – взрывался приятель. – Или Озолса?

– Ну... лодка его. Сети тоже. Чего же ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты получал по справедливости. То, что заработал.

Янис не спорил, только грустно вздыхал:

– Так не бывает.

– А как же там? – задавал неизменный вопрос Андрис, кивая головой на восток.

– Так это же там, – невозмутимо парировал Янис. – А мы с тобой здесь.

И с Артуром Андрис начал решительный разговор в своей манере – прямо и откровенно:

– Понимаешь, сынок... Любовь, конечно, дело сугубо личное, и я бы ни за что не сунулся со своими советами, если бы не одно обстоятельство.

Артур, захваченный врасплох, густо покраснел, смущенно потупился. Одно дело, когда тебя по-свойски отчитывают мать с отцом, и совсем другое, когда с тобой говорят на равных, как мужчина с мужчиной. Калниньш продолжал:

– Уж больно отец у твоей зазнобы сволочной.

Молодого Бангу неприятно покорило слово «зазноба», тем более что в сочетании с ним Калниньш беспардонно припечатал «сволочной». Не поднимая глаз, парень спросил:

– А при чем тут ее отец?

– Отец? Да при том, что если Озолс когда-нибудь и согласится отдать за тебя Марту, так только в обмен на твою совесть. Такого же, как сам, сквалыгу из тебя сделает, понял?

– Почему же сквалыгу?

– Да потому, что другой ты ему не нужен.

– Так я же не на нем собираюсь жениться, – сгорая от стыда, через силу выдавил Артур.
– Э-э, парень, – криво усмехнулся Калниньш. – Не ты первый, не ты последний. Кого-ток увязнет, а там и всей птичке пропасть.

– У меня свой дом есть, – запальчиво вскинул голову Банга.

– Свой? – Андрис сочувственно посмотрел на него: мол, глупыш ты глупыш. – Уж прости за откровенность, но с твоей наивностью только под венец и идти. Да вы же одинаковые и равные, пока собираете в лесу цветочки или домики из песка на берегу строите. А разбежитесь по домам, так у тебя вон треска с черным хлебом да мать в мозолях, а у нее – лосо-сина да Эрна не знает, с какого бока подойти. Неужели Марта согласится променять свою сытую жизнь на твою бедняцкую любовь? Ну, может, на месяц-другой ее и хватит. А потом?

– Я буду работать.

– Вот именно, работать. С твоих доходов она быстренько сбежит обратно к отцу, или вы вдвоем на карачках поползете кланяться господину Озолсу, как твой отец когда-то. Голод – не тетка. А в нем и тот самый коготок спрятан.

Артур подавленно молчал. Калниньш сочувственно положил ему руку на плечо:

– Тут ведь дело какое, парень... Не случайно же говорят: сытый голодному не товарищ. От худого к хорошему идти проще, а вот наоборот...

– Значит, для того, чтобы... – Артур замялся, подыскивая подходящее слово, но так и не нашел, – мне тоже надо стать богатым?

– Во всяком случае, такой ты им, конечно, не нужен. Ни отцу, ни дочери.

– Вы не знаете Марту, – снова запальчиво выкрикнул Артур.

Калниньш снисходительно усмехнулся:

– Я знаю жизнь, сынок.

Молодой Банга долго молчал, о чем-то думал, затем произнес:

– Значит, я стану богатым.

Андрис огорченно посмотрел на парня – он и представить себе не мог, что Артур делает такой неожиданный вывод из их разговора. Надо было заходить с другой стороны.

– Богатым, как Озолс? – спросил он внешне безучастно.

– Какая разница? Таким, не таким... Главное – богатым.

– Твой отец всю жизнь не разгибает спину...

– Я буду еще больше работать.

– Думаешь, дело только в этом?

– А в чем же еще? Кто не боится мозолей и у кого есть голова на плечах...

– Ты хочешь сказать, что у нас с твоим отцом не хватает ума и мы лодыри?

Артур смутился:

– Нет, зачем же... Но иначе не разбогатеешь.

Калниньш достал трубку, набил ее табаком, жадно затянулся. С едва заметной хитринкой посмотрел на парня:

– Скажи... Вот я взял у тебя займы десять латов. Сколько надо будет вернуть?

– Что значит, сколько? Сколько взяли, столько и вернете.

– Правильно. Это тебе. А как в таком случае поступают Озолс или Аболтиньш? Если бы они раздавали деньги без процентов, откуда их богатству взяться? Ну а ты так сможешь? Дальше: ты считаешь справедливым, что Озолс забирает себе половину улова?

– Но ведь он дает лодки... И снасти.

– А сколько он имеет с этой половины, ты никогда не задумывался? Вы с отцом из моря не вылезаете, жизнью каждый день рискуете, а он сидит себе на берегу и набивает карманы. Неужели паршивая лодка и кусок дырявой сети весят столько же, сколько две ваши жизни?

– Не знаю.

– То-то. Ты бы мог жениться, как Озолс? Не на Дзидре, а на корове и лошади? Или Аболтиньша возьми. Неужели тебе хочется стать таким же?

– По-вашему, выходит, быть богатым и оставаться порядочным нельзя. Тогда почему все хотят разбогатеть?

– Эх, Артур. Посмотри на меня или своего отца. Что мы, глупее всяких там Озолсов и Аболтиньшей? Думаешь, мы не сумели бы добыть богатство, как они? Нет, дружище, сумели бы. Только совесть не позволяет. Как бы честно ни выглядел богач, какие бы ни совершал благодеяния, все равно в каждом грамме его золота есть капельки твоей и моей крови. Когда одному принадлежит все, а другому ничего, это значит, что один сгрэб в свою кучу и твое, и мое.

Больше на эту тему Андрис Калниньш не заговаривал. Зато его сын Лаймон, внешне-стью и характером удивительно похожий на отца, не упускал случая вставить язвительную шпильку и пройтись по поводу влюбленных. Он тоже не терпел Озолса и, наверное, поэтому переносил свою неприязнь на Марту. Молодой Калниньш ни за что не признался бы даже самому себе, что для неприязни есть и другая причина: самая обычная, банальная ревность. Было невыносимо видеть, как эта тихоня с голубыми глазами все настойчивей уводила от него товарища. Даже намерение Артура поступить в мореходное училище Лаймон расценивал не иначе как следствие ненормальной любви друга. Просто-напросто Артур лезет вон из кожи, чтобы хоть таким путем – с помощью золотых нашивок – добиться благосклонности будущего тестя.

Чем больше проходило времени, чем быстрее выросли Артур и Марта, тем сильнее росла их взаимная привязанность. И хотя теперь они все реже показывались вдвоем на людях – пора детской беззаботности уходила безвозвратно, – значение и смысл новых, скупых встреч становились совсем иными.

Артур и Марта могли часами молча бродить по лесу, сидеть где-нибудь на заброшенной мельнице или на берегу моря у старого карбаса и не испытывать при этом ни малейшей скуки. Каждый раз, прибегая на свидание, Артур открывал в девушке что-то новое, доселе неизвестное и, конечно, всегда прекрасное. То же самое происходило и с Мартой. Они никогда не ссорились и не лгали друг другу. Впрочем, до поры до времени. Один эпизод, темной тучкой проплывший по их безоблачным отношениям, заставил обоих кое о чем призадуматься. Это случилось как раз после разговора молодого Банги с Андрисом Калниньшем. Тогда Артур впервые пришел на встречу непривычно мрачный и подавленный. Марта не стала приставать с расспросами, хотя чисто по-женски почувствовала неладное. Парень долго молчал, на слова девушки откликался неохотно и невпопад и, наконец, собравшись с духом, выпалил то, что не давало ему покоя:

– Вот жизнь... Один спины не разгибает, в лодке днюет и ночует, а ни черта, кроме мозолей, не имеет. Другой сидит себе на берегу, поплевывает в воду и сундуки набивает.

Марта вспыхнула, посмотрела ему прямо в глаза:

– Ты имеешь в виду моего отца?

Артур смутился, промывчал в ответ что-то невнятное. А девушка, гордо вскинув голову, сухо сказала:

– Не знаю. Сколько помню отца, всегда за работой. Затемно встает, затемно ложится. И вообще, в нашем доме белоручек не было.

Марта говорила правду. Тем не менее Банга угрюмо спросил:

– Откуда же тогда берутся бедные?

Она упрямо поджала губы:

– Чужое считать проще.

Вот так. Не слукавил, значит, Андрис Калниньш. Только песок на берегу общий, а деньги врозь. К горлу комом подступили недоверие и обида. Нет, Артур и раньше кое о чем

догадывался – не настолько он был наивным, чтобы не понимать разницы между ними, – но остро и откровенно он почувствовал это впервые после того вечера. Они, конечно, помирились и словно бы забыли о неприятном инциденте, но каждый сделал для себя вывод. Марта поняла, что впредь надо быть осторожней и не задевать его самолюбия; Артур... Засевшая в нем идея собственного богатства еще больше укрепилась – он уверял себя, что путь к руке любимой лежит для него через капитанский мостик.

Банга добился своего и поступил в училище. На это ушли почти все сбережения, но отец денег для сына не жалел. Янис верил, что затраты на учебу рано или поздно окупятся. А через год в Ригу, в университет, уехала и Марта.

Именно в это время Банга-старший затеял единственную и отчаянную авантюру в своей жизни. Он решил построить дом и купить новую лодку. Трудно сказать, что побудило рыбака на этот крайне необдуманный поступок. То ли отчаяние от несбывшихся надежд, то ли фанатичная вера в успехи сына, то ли задетое самолюбие – в последнее время в поселке только и судачили о Янисе и Якобе, вернее об их детях. Во всяком случае, рыбак решил одним махом выбиться в люди и закрепиться на поверхности. Он попросил у акционерного общества кредит. Там поскрипели, поскрипели – запрошенная сумма была велика, – но просьбу все же удовлетворили: отказывать такому рыбаку, как Янис Банга, было неблагоприятно. Тем более что общество ничем не рисковало. Всегда, в случае чего, можно было через суд потребовать возмещения убытков. Не погнушался Янис призанять денег даже у Озолса.

И вот когда, казалось, все пошло наконец нужным курсом: поставил дом, купил лодку, не сегодня завтра сын станет капитаном, судьба преподнесла рыбаку свой последний, безжалостный сюрприз.

Артур едва успел на похороны.

...Калниньш спрашивает, что Артур будет делать с мореходным училищем. Неужели дяде Андрису не ясно – оно пошло ко дну вместе с отцом.

Глава 2

Озолс вернулся в воскресенье. В добротной коляске, запряженной рослой кобылой, которой правил Петерис, не спеша катил по поселку, слегка касаясь ладонью поля шляпы в ответ на почтительные приветствия. На улице было по-праздничномулюдно, и тем торжественнее выглядел его приезд. Крупный, гладкий, с мужицки простым, но холеным лицом, он восседал в своей коляске, гордо выпрямившись. Густые, кустистые брови придавали ему выражение властное и значительное. Что ж, полагал хозяин коляски, у него были все основания рассчитывать на особое уважение и признательность. Сам он уже давно позабыл, когда просил в последний раз взаймы. Как сейчас, пожалуй, ни за что не припомнил бы, кому он в поселке чего-нибудь не одалживал. Разумеется, не в ущерб своему добру, но все-таки... А с тех пор как стал председателем поселкового правления общества «Рыбак», власть и вес Якоба поднялись на недостижимую высоту.

Аболтиньш, трактирщик, еще издали заметил коляску и как был в переднике, так и выскочил на крыльцо.

– С приездом, господин Озолс! Наконец-то вы дома. Как съездилось? Что нового в Риге?

Якоб небрежно махнул рукой:

– А-а! Сумасшедший дом. Шум и толкотня. А тут... Как с поезда сошел, будто в рай попал.

– Не желаете ли стаканчик с дороги?

При слове «стаканчик» Петерис жадно сглотнул, с надеждой посмотрел на хозяина. Тот понимающе усмехнулся, проговорил полушутя-полусерьезно:

– Стаканчик да рюмочка доведут до сумочки.

– Я понимаю, в Риге у господина Штейнберга наклейки поаппетитнее, – уязвленно проговорил трактирщик.

– Катился бы он в свою Германию, господин Штейнберг. Вот полюбуйте, самое свежее, – Озолс протянул Аболтиньшу газету.

Тот развернул сложенный по размеру кармана лист, негромко прочел:

– Вчера по приглашению министра иностранных дел Латвии господина Мунтерса город Лиепая с дружественным визитом посетила немецкая военная эскадра. Как заявил на пресс-конференции командующий эскадрой адмирал Бернгард...

Глаза Озолса полыхнули гневом.

– Три дня назад потопили наш пароход с лесом, а теперь хватает наглости...

– Но ведь Гитлер всюду заявляет, что он наш друг.

– Он и Литве друг. А как ловко у нее Клайпеду отхватил? Я уж не говорю об Австрии, о Чехословакии. Тут не нахальством, чем-то похуже пахнет.

– Неужели вы думаете?..

– Не знаю. Умные люди на всякий случай запасают кое-что. Сахар, крупу, спички...

– Не дай господи, – у меня в доме парень попрос.

Озолс молча достал пачку «Трафф», угостил Аболтиньша.

– А как у дочки успехи? – с удовольствием затягиваясь папироской, полюбопытствовал тот. – Поди, лучшая студентка в университете?

– Ну, может, и не лучшая... Вообще-то молодцом!

– Дай вам бог... А у нас в поселке несчастье.

– Знаю. Петерис рассказал.

Аболтиньш с беспокойством посмотрел в сторону церкви, что была неподалеку; из нее выходили прихожане. Усмехнулся:

- Старые грехи отмолили, сейчас ко мне за новыми придут.
- Хозяин, может, и нам заглянуть в храм божий? – не выдержал Петерис.

Озолс ослабилс:

- У тебя что, грехов много?

– У меня?!

- Давай трогай, святой! Тебя жена ждет.

– Кого?! Меня?! – Глаза у кучера потемнели, злая судорога пробежала по лицу. Он так яростно хлестнул лошадь, что Озолс едва не вывалился из коляски. В поселке уже давно было известно, что если Эрнэ кого-то и ждет, то только не своего Петериса.

Артур сидел на кухне, чинил сеть.

– Поешь! – Мать поставила рядом кружку с молоком, придвинула кусок хлеба, намазанный медом. Банга отложил моток, взял кружку, задумался. Луч солнца, падавший из окна, зажег радужный узор на фаянсе. Эту кружку Артур помнил с детства: та самая, что стояла потом на поминках перед пустым стулом. Как все-таки странно и жестоко устроена жизнь: еще вчера все было по-иному – был отец, была надежда... Артур чуть не застонал от боли. Мать, словно бы прочитав его мысли, отвернулась, пошла к плите. И остановилась на полпути, увидев входившего Озолса.

- Бог в помощь, Зента! Прими мои соболезнования.

Она опустила голову, заплакала.

– Господь дает, Господь забирает, – скорбно продолжал Озолс. – Хороший был у тебя муж, по такому не грех и поплакать. И отец был хороший. – Он заметил Артура.

- Проходи, Якоб.

Озолс заковылял в комнату, волоча непослушный протез. Сейчас – не на людях, не в коляске – он не казался таким бравым. Инвалид, сутуловатый, оплывший, он грузно опустился на стул подле стола, положил на скатерть руки, большие и натруженные, сумрачно огляделся. Негромко спросил:

- Слышал, ты дом продаешь.

Зента потупилась. Ее пальцы нервно теребили передник.

– Что поделаешь, Якоб... Долги... – хотела еще что-то добавить, но в дверном проеме показался Артур.

– Погоди, мать, – хрипло проговорил он. – Насчет отцова долга не беспокойтесь, за нами не пропадет.

Озолс предостерегающе поднял руку:

– Постой, сынок, не горячись. Скажи, Зента, сколько у вас осталось невыплаченной ссуды за дом?

- Около семисот латов. И тебе триста. Вот и получается...

– Ну, между собой мы пока считаться не будем... А ссуда... Неважно у меня, правда, с наличными, да ничего... Ссуду вашу я погашу. С банком лучше не тянуть. Проценты...

До Зенты трудно доходил смысл его слов.

- Как, ты сам... наши долги?

– А ты что думала? Пришел рубашку последнюю с вас снимать? Мы же люди... Всю жизнь прожили рядом. Янка, почитай, братом был мне...

- За доброту вашу спасибо. Но мы так не можем, – самолюбиво перебил его Артур.

Озолс опять предостерегающе поднял руку:

– Я не милостыню вам предлагаю. Заработаешь – отдашь. Промысловый участок отцовский правление тебе оставит. Может, еще и прибавим немного.

- А ловить на чем?

– Лодку пока возьмешь у меня. Моторная, пятнадцатисильная. К тебе любой напарником пойдет. А зимой на озера, за карпом. Он теперь в хорошей цене. Я думаю, если каждый третий улов мой – не так уж много получится. Глядишь, постепенно и отдашь отцовский долг. Ну что, по рукам?

Артур в нерешительности помялся, но упираться не стал:

– Согласен.

– Выбирай, что лучше – расписка или вексель?

– Вексель.

Утром вдоль всего берега шла работа – рыбаки волокли к морю карбасы, загружали снасти, готовились к путине. Озолс, с погасшей трубкой в зубах, приглядывал за своей артелью. Мимо него то и дело пробегали люди – кто с веслами, кто со связкой балберов – поплавок.

– Невод куда грузить? – согнувшись под тяжестью сложенной сети, остановился рядом с ним Артур.

– Во-он в тот карбас, к Фрицису. – Озолс неодобрительно посмотрел на парня: – Чего один надрываешься? Помочь некому?

– Да мне – раз плюнуть! – молодецки крикнул Банга и, стараясь держаться прямо, пошел к лодкам.

– Заботу показываешь? – желчно бросил подошедший Калниньш. – Теперь можно – вексель-то выхватил!

Озолс обернулся, раздраженно бросил:

– Все ты мечешься, как ужаленный. Суешься в каждую дырку... Нехорошо.

– Нехорошо? – сузил глаза Калниньш. – А людей одурачивать, с голого последнюю рубаху снимать – хорошо?

– Послал бы я тебя... Надоело, понимаешь? Давай хоть раз потолкуем по-человечески.

– С тобой толковать!..

– Нет уж – давай! – Озолс ухватил Калниньша за рукав. – Сядь-ка. – Первым опустился на борт дырявого карбаса, достал портсигар – там было пусто. Калниньш, не глядя, протянул свои папиросы. Задымили.

– Ты вот векселем меня попрекнул, – пыхнул дымком Озолс. – А я, между прочим, его не тянул, они сами...

– Ясно – сами, – перебил Калниньш. – Ты знал, на какую наживку ловить. Как же – гордые, честные...

– Правильно, честные. А ты хотел, чтобы сын отцов долг замотал? С обмана жизнь свою начал?

– Да какой долг? Какой? Янка на тебя девять лет горбатился. Да он втрое свой долг отработал. – Калниньш уперся в Озолса требовательным взглядом.

– Ну, знаешь, так рассуждать... Может, по-твоему, еще я ему должен? Они не то что вексель – дом хотели продать, чтобы рассчитаться. Другой – тот же Аболтиныш, к примеру, стал бы церемониться? Ну-ка, скажи?

Калниньш промолчал.

– То-то! А я и парня к делу пристроил и кусок хлеба в руки дал. Да еще с банком за них рассчитался. Мало?

– Благодетель... Из отца душу мотал, теперь на сыне покатаешься.

– Да что ты все к той бумажке цепляешься? Бумажка, бумажка... Может, я про нее и вовсе забуду.

– Ты-то? – Калниньш скривился в злой усмешке. – Пожалуй, забудешь.

– А тебе хотелось, чтобы у меня память и вовсе отшибло? – тихо, с придыханием спросил Озолс. – Ну а мои долги кто вернет?! Вот эту самую... – Он зло хлопнул себя по протезу. Много мне потом помогли? На чурбак этот скинулись? Так-то, сосед, – чужое легко считать. А как оно досталось – слезами ли, кровью... А! – Озолс махнул рукой и заковылял по песку.

Лодки, одна за другой, отходили от берега. Море, по-утреннему тихое, стелилось зеркальной гладью. Далеко над заливом разносились веселые, зычные голоса рыбаков – те перебивались, перекидывались нехитрыми шуточками:

– Эй, Друкис, невод забыл!

– Где?

– У бабы под кроватью. Гребь обратно, а то, глядишь, кто другой утащит, – дружно орал с соседней посудыны.

Артур заметно нервничал: то схватится за плицу², то слани³поправит...

– Что ты мечешься, как Аболтиньш по трактиру? – не выдержал сидевший на руле Фрицис Спуре.

– Я? – вспыхнул Артур. – Так я же... это...

– Он же... это... – передразнил Лаймон. – Службу показывает. Думает, Озолс зятя будущего с берега увидит.

– Помолчи, Лаймон, – оборвал Фрицис. – А ты, сынок, спину-то побереги. Хоть она у тебя, видать, крепкая, да не таких здесь обламывали. Работаешь – и работай!

Артур поймал насмешливый взгляд Лаймона, недовольно насупился.

Летним солнечным днем по дороге, обсаженной высокими вязами, катила добротная Озолсова коляска. Она только что отъехала от станции – паровозный свисток и шум отходящего поезда ненадолго заглушил цокот копыт. В повозке, среди груды коробок и лакированных чемоданов сидела девушка. В свои девятнадцать Марта Озолс была удивительно хороша и, что случается нечасто, почти лишена кокетства. Но именно эта серьезность и придавала облику девушки особую, благородную прелесть. Серый, элегантно простой английский дорожный костюм очень шел ей.

– А пруд? За мельницей, где ивы? – расспрашивала она Петериса. – Не построили еще там новую купальню?

– За мельницей? – задумчиво переспросил возница. – Туда как раз на прошлую Пасху мельник свалился. От Круминьшей шел.

– Утонул?

– Как же, утонет! Теща с женой откачали. А он, как очнулся, – таких фонарей им навешал. Неделью синяки мукой присыпали.

Марта, отвыкшая от грубых деревенских нравов, только пожала плечами. Но, помолчав секунду, снова спросила:

– Петерис, а где сейчас танцуют? Как и раньше, у Аболтиньша?

– Во-во, там его шурин после и подстерег, в трактире. И, значит, бутылкой... По башке.

– Кого?

– Да мельника же! За сестру, значит. Все так и ахнули – бутылка вдребезги, а башка хоть бы что. Только шишка вскочила.

– Какой ты странный, Петерис, – городишь всякую чепуху.

Впрочем, будь она повнимательней, ход рассуждений кучера не так удивил бы ее – время от времени Петерис доставал из-за пазухи фляжку и понемногу прикладывался.

– А как Бирута? Замуж еще не вышла за Лаймона?

² Плица – черпак для откачки воды из лодки.

³ Слани – настил на дне лодки.

– Бирута? Это Фрицисова дочка, что ли? – Зариныш захихикал. – Тут, я вам доложу, барышня, такая история вышла. У них – аккурат под Рождество – свинья опоросилась. Заходят, значит, в сараюшку, а там...

Финал истории со свиньей остался неизвестным. Лошадь вдруг шарахнулась – мимо них, громко сигналив, промчался ярко-красный автомобиль с откинутым верхом. Водитель, молодой человек в спортивном кепи, мельком взглянул на Марту и, не то извиняясь, не то приветствуя, слегка наклонил голову. На его продолговатом, с тонкими чертами лице аристократа резко выделялись хищный нос и сочные, чувственные губы.

– Кто это? – спросила Марта, удивленно разглядывая удаляющийся автомобиль.

Петерис, раздраженно шваркнув вожжами по крупу лошади, ответил почти трезвым голосом:

– Катаются. А чего не кататься, когда денег куры не клюют? Лосберг это, молодой. Приехал давеча из Германии.

– Они по-прежнему на своей даче?

– А где же еще?..

К ее приезду пеклись пироги. Ядреная краснощекая кухарка ловко таскала их из духовки, месила тесто для новых. Озолс, приодетый, толкался на кухне, поглядывая на прислугу.

– Ох, Эрна, гляди, прогонит тебя Петерис, такую растяпу, – шутливо попрекнул он за упавшее на пол яйцо. – Дома, поди, яички-то бережешь. Мужнее добро...

– Мужнее... – Кухарка брала яйца из огромной корзины, небрежно разбивала их в тесто. – На мужнем разживешься...

– Однако разжилась. Или не на одном мужнем? Свет-то не без добрых людей? – Якоб следил, как Эрна сажала пироги в духовку и, нагнувшись, белела толстыми икрами.

– А тебе жалко, что разжилась? Говорят, мужики сдобных-то лучше уважают.

– У тебя уж не сдоба... – прищурился Озолс, алчно созерцая мощную корму. – Целый каравай!

– Озорник ты... – Эрна кокетливо одернула юбку. – Седина-то, говорят, в бороду...

Лицо Озолса вдруг изменилось – будто и не лоснилось только что похотливо.словно душа – любящая, тревожная – проглянула сквозь щелки глаз.

– Марта, доченька... – бросился он из кухни, впопыхах опрокинув корзину с яйцами.

– Ну и ну! Яичком попрекнул, – сокрушалась кухарка над глазуньей, расплывшейся на полу.

Весело возвращалась артель с удачного лова. Карбасы чуть не доверху серебрились трепещущей рыбой.

– Давай, Друкис, жми, пока Аболтиниш замок не повесил.

– Не повесит. Он свое за пять верст чует. – Марцис подкинул на ладони увесистую рыбину.

– Артур, что притих? С новенького, учти, двойной спрос.

– Тоже мне – гуляка. Да он сроду в трактире не был. Все за книжками. Капитан!

– Нашел чем попрекнуть, – обрезал Марциса Спуре. – Сам-то хоть расписаться умеешь?

Артур хотел было ответить насмешнику, но вдруг замер, глядя на берег: там мимо развешанных сетей – он узнал ее сразу – медленно шла Марта. С детства ей помнился их терпкий запах – отдавало водорослями, морем, рыбой. Ветер раскачивал сети, теребил застрявшие в ячейках травинки. Она остановилась на краешке песчаной косы, с ожиданием глядя в море.

Карбасы один за другим подходили к берегу. Над ними с пронзительными криками сновали чайки. Не утерпев, Артур выскочил из лодки – благо сапоги чуть не до пояса – и в тучах брызг бросился по мелководью к берегу. Она – навстречу. Остановились, не добрав шага. Короткие, кажущиеся незначительными фразы обрубало волнение.

– Марта! Ты когда приехала?

– Утром еще. Не ждал?

Он не ответил, только радостно смотрел девушке в глаза.

– А я давно здесь жду... Была у твоей мамы... Я же ничего не знала...

Артур молча опустил голову. Она осторожно взяла его большую, твердую ладонь, еле заметно сжала. Почувствовав нежное тепло ее пальцев, парень словно оттаял.

– Надолго?

– Думаю, на все лето.

С лодок уже сгружали рыбу. Огромными деревянными совками черпали живую, шевелящуюся массу, ссыпали в плетеные двуручные корзины. Женщины грузили их на стоящую прямо в воде телегу. И над всем этим – над карбасами, над лошадью, над людьми – белой тучей носились чайки, выхватывая рыбу чуть ли не из рук. Кто-то не выдержал, укорил парня:

– Артур, лодырь чертов! Хоть бы подсобил.

– Оставь. Все равно не слышит, – усмехнулся Калниньш.

– Очумел, что ли?

– Они оба очумели. С пеленок еще.

Озолс все слышал и видел. Он недовольно поморщился, шагнул к молодым людям.

– Слушай, там Марцис карбас разгружает. Один.

– Да, иду, – виновато ответил Артур и заспешил к лодке, на ходу еще раз обернувшись к Марте.

Якоб посмотрел на босые ноги дочери, брошенные на песок туфли, покачал головой:

– Море еще холодное, дочка. И песок тоже.

Марта не ответила. Подняла туфли, пошла. А отец заковылял навстречу телеге. Достав из корзины мелкую рыбешку, швырнул ее обратно:

– Где такой мелочи набрали? Учти, по двадцать сантимов – дороже не протолкну.

– Вчера по тридцать за ящик давали, – рассердился Калниньш.

– Цены устанавливает Рига. Центральное правление. Я ими не командую.

– Ты нам зубы не заговаривай. Центральное правление... Знаем мы твое правление.

Дай вам волю...

– Ну что ты за человек, Калниньш? Да кому нужна эта дохлятина? Рынок переполнен. Скажи спасибо, если на рыбзавод протолкнуть удастся.

Калниньш от неожиданности остановился, смерил Озолса ненавидящим взглядом:

– Мы тебе такое спасибо скажем... Ты у нас еще допрыгаешься... Пригрелся на берегу – ни холодно ни мокро.

– А ты забыл, почему я на берегу?

– Пошел-ка ты...

– Нет, ты все-таки ответь.

– Да пошел же, я тебе говорю! – Калниньш настолько недвусмысленно замахнулся, что Якоб невольно отступил в сторону.

– Будь ты проклят! – в сердцах проговорил он и торопливо заковылял к складу, подле которого стоял грузовик с надписью на борту «Акц. об-во “Рыбак”». С него сгружали пустые ящики, кто-то возился с весами.

Стройный корвет, сверкающий белизной парусов, казалось, парил над волнами. Артур задумчиво, с грустью смотрел на маленький кораблик. Рядом стояло еще несколько моделей – его скромная коллекция. Полка с книгами по навигации, старинный секстант, морская карта – атрибуты несбывшейся мечты. Он поправил на модели бизань, снял с вешалки свой форменный китель, смахнул с него пылинку и, надев фуражку, шагнул было к выходу. Но в этот момент в комнату вошел Лаймон.

– Хорошо, что застал тебя дома. Пошли!

– Куда?

– Наши собираются, разговор есть. Как ты считаешь – это честная торговля, если у нас салаку берут по двадцать сантимов за ящик, а продают, знаешь, за сколько? Почему Озолс на это закрывает глаза?

– А что он может сделать? – пожал плечами Артур. – Цены устанавливает центральное правление.

– Тогда зачем мы его выбирали, если он ничего не может? Или не хочет? Держится за свое местечко, с Ригой ссориться не желает. Значит, своя выгода есть.

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. Никто его фокусов не может понять. Об этом и разговор. Пошли!

Артур задумчиво вертел на пальце фуражку.

– Не пойду, – смущенно сказал он.

– Та-ак, – протянул Лаймон. – Значит, всю жизнь будешь отплясывать перед ним за свой долг. А может, еще причина есть?

– Думай, что говоришь, – нахмурился Артур.

– А ты-то думаешь, что Озолс мечтает с тобой породниться? – Лаймон хмыкнул, круто повернулся и с треском захлопнул за собою дверь.

Две цепочки следов протянулись по пустынной полосе влажного песка у моря. Большие и маленькие – у самой кромки прибоя. Волны, накатываясь на отмель, постепенно смывали их. Следы вдруг свернули в сторону. Мужская рука опустилась в воду, отмывая кусок янтаря. Артур поднялся и протянул влажный камень Марте. Положив на ладонь, она смотрела сквозь него на уходящее за горизонт солнце: в причудливо ограненном природой куске застывшей смолы горел и плавился солнечный луч, открывая диковинный мир внутри самородка.

– Как ты его нашел? – не отрывая восхищенных глаз от янтаря, спросила Марта.

– Так же, как тебя. Искал – и нашел.

– Как светится! Я таких еще не встречала.

– И я не встречал. Ты одна такая.

– Да ну тебя, – смутилась Марта. – Давай лучше что-нибудь загадаем. Ты первый.

– Но я не умею. Надо какое-нибудь волшебное слово, наверное...

– Нет – просто загадай. Подумай о том, что тебе больше всего хочется, и загадай.

Артур нагнулся к лежащему в ее раскрытой ладони янтарю и осторожно подышал на него – лицо парня стало необыкновенно серьезным.

– Не хочу загадывать, – грустно проговорил он.

– Почему? – одними губами спросила Марта.

– Потому что, кроме тебя, мне никого не надо. – Артур осторожно обнял девушку, хотел поцеловать, но вдруг отстранился, прислушиваясь, – издали донесся крик. Казалось, звали на помощь.

По пляжу, крича и размахивая руками, кто-то бежал. Это был Зигис, сын Аболтиныша, – в мокрой рубашке, босой.

– Артур! Эй, Артур!.. На помощь!..

Банга рванулся ему навстречу.

– Там Рихард! Яхту опрокинуло, он тонет, – подбегая, бессвязно выкрикивал Зигис. – Нас перевернуло. Я поплыл, а он... черт побери, не умеет.

– Ты что, бросил человека в море? – оттолкнув Аболтиныша и срывая с себя одежду, гневно крикнул Артур.

Подбежала Марта:

– Что случилось?

– Там Лосберг, тонет...

Судорожно вцепившись в борт опрокинутой яхты, Рихард из последних сил держался на воде. Волны захлестывали его, сбивали дыхание. Он отчаянно хватал воздух, то скрываясь под водой, то снова выныривая.

Артур все еще бежал навстречу волне, торопясь добраться до глубины. Ему показалось, что неподалеку мелькнуло что-то темное – может быть, борт опрокинутой яхты.

– Эй, там, держись! – Он поплыл, рассекая воду мощными взмахами рук.

Марта тревожно наблюдала за ним с берега, но скоро потеряла из виду – теперь она видела только пляшущие на волнах солнечные блики. Вдруг опомнилась, обернулась к дрожащему от холода молодому трактирщику, яростно крикнула:

– Что ты стоишь? Беги за лодкой... Людей зови...

Спохватившись, Зигис бросился к поселку.

Рихард изнемогал. Он все чаще погружался в воду, захлебывался, едва не терял сознание. Наконец настолько ослабел, что руки разжались и волна безжалостно отбросила его от яхты. Безумным усилием, отчаянно барахтаясь, он попытался вновь подгрести к посудине, ухватиться за спасительную твердь, но вдруг почувствовал: судорога свела ноги. Не выдержав, закричал дико, хрипло... И в этот момент увидел Бангу, плывущего в толчее волн.

– Держись! – Артур подплыл к яхте. Несколько секунд он яростно боролся с волнами, нащупывая что-то под пляшущим бортом.

– Круг! – крикнул он Рихарду. – Где круг?

Но Лосберг не слышал. Он только мотал головой, отплевывая воду. Банге удалось нащупать круг. Он лихорадочно дергал, выдирая его из гнезда. Выдернул наконец. Держась за борт, с трудом успокоил дыхание.

– Хватайся! – подгрел с кругом к Рихарду, но заметил его бессмысленный, обезумевший взгляд и гневно прикрикнул: – Держись! Хоть зубами, чем хочешь, только держись!

Они поплыли. Волна подхватила их, кинула в сторону берега.

Зента поставила перед Артуром миску с едой и уселась в углу с вязаньем.

– Ты бы поосторожнее с Мартой, сынок, – мягко заметила она. – Все-таки не дети уже.

Артур на секунду оторвал взгляд от книги, из которой выписывал что-то в тетрадь.

– А что я? – смущенно пробормотал он. – Мы же занимаемся. Она мне вон книжки дает. Не могу же я каждый раз учителю надоедать.

– Книжки-то книжки, – вздохнула мать. – Только все же поосторожней бы надо. Не забывай, что Озолс для нас сделал.

– А он-то при чем тут? Разве я Марту обидеть хочу?

– Вот и не обижай. Уж послушай меня, сынок, – не вбивай лишнего в голову ни себе, ни ей.

– Да с чего ты взяла!

– Ладно тебе... Разве я была бы против. Только люди-то верно говорят: руби дерево по себе, чересчур не замахивайся. Не забывай, кто мы, кто они.

– А кто мы? – запальчиво крикнул Артур. – Кто мы? Не люди, что ли?

В доме у Озолса Эрна накрывала стол к обеду на четверых. Вошел хозяин – хмурый, озабоченный. Хотел было пройти к своему месту, но вдруг ухмыльнулся, аппетитно хлопнул кухарку по обширному задку. Та испуганно оглянулась:

– Ты что, Якоб? Мой и так косится...

– С чего бы это?

– Вот именно, – лукаво откликнулась она.

Эта улыбка, словно магнит, притянула его к женщине. Забывшись, Озолс облапил кухарку, с силой привлек к себе, неуклюже зашарил рукой по талии, явно намереваясь растегнуть юбку.

– Якоб! – испуганно озираясь на дверь, Эрна уперлась ему локтями в грудь. – Якоб, опомнись! Якоб... – Попыталась было оттолкнуть, но вдруг поняла, что из этого ничего не выйдет – уж слишком неравными были их силы, – заговорила ласковым, медовым голосом: – Вечером, миленький, вечером.

Смысл ее слов медленно, с трудом дошел до сознания Озолса: он нехотя отпустил женщину, багровый и потный сел на стул, какое-то время разглядывал ее исподлобья затуманенными глазами.

– Смотри же, вечером! Не забудь.

– Не забуду, – Эрна дрожащими руками расставляла на столе тарелки.

– Не забудешь? – И вдруг расхохотался, словно сказал что-то необыкновенно остроумное.

Вошла Марта. Отец пугливо покосился в сторону девушки и, стараясь скрыть смущение, пробурчал:

– Моя дочь вечно опаздывает. Как и твой муж, Эрна. Где хлеб?

Кухарка торопливо протянула ему темно-коричневый каравай, раздраженно крикнула в распахнутую дверь:

– Петерис, ну что ты там копаешься? – Подождала, пока тот займет свое место, разлила суп, присела рядом с супругом. Некоторое время слышались лишь стук ложек да аппетитное чавканье мужчин.

– Ты, Петерис, к жене своей претензий не имеешь? – неожиданно спросил Озолс.

Петерис так и застыл с ложкой у рта, испуганно обмерла и Эрна. А Озолс продолжал:

– А я имею. Опять суп недосоленный.

Эрна облегченно вздохнула, подала солонку:

– На всех не угодишь, хозяин.

Озолс высыпал в тарелку щепотку соли. Марта заметила:

– Я читала, папа, что в твоём возрасте солью злоупотреблять не надо.

Озолс набычился:

– В моём возрасте... Дай бог всем быть такими в моём возрасте.

Снова наступила пауза, которую теперь уже нарушил Петерис:

– А твой парень-то – хват, – обратился он к Марте. – В поселке только и разговоров про него.

Девушка невольно улыбнулась, а Петерис продолжал:

– Гляди, ещё медаль получит.

Озолс окинул толстяка ненавидящим взглядом, бросил Эрне:

– Мясо давай! Заснула, что ли?

Кухарка бросилась к плите, подала блюдо с жарким. Она делала мужу какие-то предостерегающие знаки, но тот, словно ничего не замечая, продолжал:

– Говорят, молодой Лосберг хочет в газете напечатать про твоего Артура.

Хозяин с грохотом отшвырнул тарелку:

– Что ты заладил как попугай – твой Артур, твой Артур! В сваты, что ли, нанялся?

Петерис пожал плечами:

– Да я что? Люди говорят.

– Люди, – зло передразнил Озолс. – Поменьше сплетен таскай.

– Кто, я?

– Ты, именно ты. Дурак!

Петерис изменился в лице, отодвинул тарелку, медленно поднялся:

– Ну, спасибо, хозяин, накормил.

– Дурак и есть дурак, – уже не владея собой, повторил Озолс.

Петерис хотел что-то ответить, открыл было рот, но решительно вмешалась Эрна: подошла к мужу вплотную, едва слышно проговорила:

– Убирайся!

Тот побагровел, посмотрел на жену налитыми кровью глазами, грубо оттолкнул в сторону.

Муж уже давно был за порогом, а Эрна все стояла, охваченная предчувствием беды – гнетущая тишина воцарилась в комнате. Наконец, ни на кого не глядя, глухо проговорила:

– Ладно, мне коровник чистить.

– Иди, – так же глухо согласился Озолс. Он дождался, пока захлопнется дверь, раздраженно повернулся к дочери: – Ну вот что, дочь... мне все это надоело!

– Что именно, отец? – Марта побледнела, но говорила спокойно и с достоинством.

– Пора бы за ум взяться – не девчонка уже. Ладно, детьми бегали...

– А что изменилось?

– Соображать надо. Даже глупая птица и та свою пару знает. Не сватается ворон к голубке.

– Артур не ворон, отец. Он человек, и ты напрасно...

– Да делай что хочешь! Ты уже взрослая. Только сердце кровью обливается. Думаешь, мне добра жалко? Мне тебя, дурочку, жалко. Да и не простит он тебе ни ума твоего, ни богатства. Сам же первый когда-нибудь и попрекнет.

– Не меряй всех на свою мерку, отец. – Девушка порывисто поднялась из-за стола и бросилась вон из комнаты. Озолс испуганно крикнул вслед:

– Марта, вернись!

Она выбежала на крыльцо и едва не столкнулась с Рихардом.

– А, спасительница. Здравствуйте! – приветливо кивнул он. – Я теперь в молитвах поминаю вас вместе с Артуром. – Заметил ее расстроенное лицо, смущенно умолк. – Простите...

Марта молча прошла мимо, направилась в сад. Рихард растерянно топтался на крыльце.

– Вы ко мне, господин Лосберг? – спросил вышедший вслед за Мартой Озолс.

– Да, но... я, кажется, некстати?

– Ничего, проходите.

Они вошли в кабинет Озолса.

– Нелегко растить девочку без матери, – вздохнул хозяин. – Так чем могу быть полезен?

– Да все история с этой яхтой. Вытащить мы ее вытащили, а идти на ней нельзя, мачта сломана. Отбуксировать надо в яхт-клуб. Не дадите на пару дней моторку?

– О чем разговор? Мы же соседи. Как здоровье вашего отца?

– Спасибо, немного лучше. Все-таки морской воздух ему на пользу. Так когда можно взять лодку?

– Хоть сейчас.

– Вы очень любезны. – Заметил на столе фотографию Марты, потянулся к ней. – Вы позволите? У вас очень красивая дочь, господин Озолс.

Якоб взял фотографию из рук гостя, взгляделся, растроганно ответил:

– Молодые все красивые, – самодовольно улыбнулся. – А ведь похожа на меня, а?

Тишину и теплынь подарила в тот год рыбакам ночь праздника Лиго. По берегу реки пылали костры, озаряя воду багряной рябью, вокруг них веселились кто как мог. Пели, пили, плясали, с визгом и хохотом гонялись за девушками, чтобы, по обычаю, похлестать их стеблями осоки по голым ядреным икрам.

Старики кучками стояли поодаль, качали головами, похмыкивали завистливо, сожалели о своей ушедшей поре. Возле одного костра затеяли хоровод, заталкивая в круг парочки, обрученные поселковой молвой. Там сейчас выплясывал Лаймон со своей Бирутой – быстроглазой, бедовой дочкой Фрициса Спуре. Бирута незаметно подмигнула ему, он ей – оба кинулись в стороны, втащили в круг Марту и Артура. И еще неистовей заскакал, загорланил хоровод, проча жениху с невестой совет да любовь, да еще дюжину детей в придачу.

– Вот Озолс везучий, черт! – посмеивались старики. – Какую красавицу вырастил.

– Да уж... На женихе не прогадает. Будьте уверены, такого отхватит...

– Так вон же он, жених. Гляди, как выплясывает.

– Выплясывает-то лихо. А вот выпляшет ли – вопрос. Плесни-ка лучше пивка.

С тихой, задумчивой улыбкой любовалась сыном Зента и печалилась, наверное, что не видит его отец. А там, у костра, уж новая затея: парни с гиканьем прыгали через огонь. Красивая эта забава – удалая, широкая. Будто на крыльях взлетают над пламенем парни, а в награду им – восторженный визг, восхищенные девичьи взгляды, а кому и поцелуй в двух шагах от костра, где ночь надежно спрячет этот маленький грешок.

– Эй, Марцис, чего стоишь? Бороду опалить боишься?

– Отяжелел после свадьбы. Бывало, перед своей Элгой орлом летал.

– Да разве это костер! – презрительно сплюнул Марцис. – Мальчишкам прыгать.

– Ах, тебе мало? Ладно, уважим.

В костер полетели сучья, обломки досок, плавник – в минуту пламя взметнулось до неба.

– Заставь дураков Богу молиться, – насмешливо заметил Марцис. – Теперь на этом огне только грешников жарить.

– Все вы такие, – засмеялись девчата. – До свадьбы – хоть в огонь, а уж после...

– А ты? – азартно шепнула Лаймону Бирута. – Мог бы?

– Конечно, – серьезно ответил он. – Только как бы к ангелам не угодить. – И обернулся тревожно, заметив, что Артур отошел в сторону, напрягнулся для разбега. – Эй, ты! – Лаймон загородил дорогу. – Жить надоело? Иди утопись – не так жарко будет.

– Да я пошутил, – отмахнулся Артур.

Он пошел обратно – расслабленно, медленно, и Лаймон успокоенно отвернулся. Но тут Банга сорвался с места и в сумасшедшем разбеге понесся к пылавшему костру.

Марта не вскрикнула, только губу закусил. Все замерли, будто оцепенели, Артур взлетел и даже, казалось, на мгновение завис над бушующим огнем. В следующую секунду раздался дружный восторженный вопль – все бросились к герою. Кто-то хлопал его по дымившей рубашке, кто-то совал кружку.

– Награду ему! Награду!

– Да ну вас, – со смехом отталкивал кружку парень. – Еще загорюсь от такой награды, пожар будет. – А сам искал взглядом Марту.

– Да он не за ту награду старался. Только получить боится.

Марта смотрела на Артура – и такое восхищение светилось в ее взгляде, такой призыв, что Бирута не выдержала, с усмешкой шепнула:

– Прикрути фитиль. Сама сейчас вспыхнешь, – незаметно показала глазами на стоявшего неподалеку Озолса. Марта нехотя потупилась.

И все же Артур получил свою награду, когда все разбежались по лесу искать загадочно неуловимый цветок папоротника. Вздрагивая от каждого шороха, озираясь на перекликающихся в темноте парней и девчат, они с Мартой прижались к сосне, замерли в пугливом, трепетном поцелуе.

Может, потому и не отыскивается никогда этот удивительный цветок, что вместо него люди видят только глаза любимых.

Глава 3

Красное авто промчалось по аллее и остановилось возле дачи Лосбергов. Это был солидный, внушительный двухэтажный особняк с просторной верандой, выстроенный в суровом вкусе Курземского побережья: необработанный булыжник, черепица, дерево крутого янтарного цвета.

Из большого окна, раскрытого в кабинете на втором этаже, было видно, как Рихард прощался с тремя вышедшими из машины айзсаргами – теми, что были на поминках в доме Банги. Старик Лосберг недовольно поморщился, глядя на них, и отъехал в кресле-каталке от окна.

– Что у тебя может быть общего с тем субъектом, который тебя чуть не утопил? – сердито встретил старик вошедшего Рихарда. – Он же позорит форму айзсарга. Ничего себе, защитник порядка! – Несмотря на болезнь, лицо Карла Лосберга светилось насмешливым умом и властной силой.

Рихард ласково коснулся отцовского плеча:

– Они помогут мне перегнать яхту в клуб.

– Слава богу, что ты ее сломал. Лезть в море, не умея плавать! Легкомыслие, достойное желторотого юнца. А ты... Пять лет провел в Мюнхенском университете. Чему ты там учился? Дай мне сигару!

– Твой врач взял с меня слово...

– Лучше бы он взял слово, что ты не будешь волновать отца. Сигару!

Рихард достал из ящика сигару, протянул отцу.

– И объясни наконец, почему ты до сих пор околачиваешься здесь, когда в Риге столько дел? – спросил раздраженно отец.

– Не волнуйся, с продажей прядильной фабрики я все уладил. Хотя и считаю, что это очередная ошибка.

Карл Лосберг переменился в лице:

– Ты еще молод судить о моих ошибках.

Но Рихард досадливо перебил:

– Это хуже, чем ошибка. Сворачивать производство, вывозить капитал за границу – прости, папа, но... сегодня это предательство.

Впервые старик с интересом и в то же время сочувственно посмотрел на сына:

– Оставим громкие слова, сынок. Я хорошо помню девятнадцатый год, когда эти оборванцы захватили власть. Не хочу еще раз остаться нищим.

– И я не хочу. Но не собираюсь и бежать. Готов драться, если понадобится.

– Боюсь, уже поздно, сынок. Когда корабль тонет – бессмысленно тонуть вместе с ним, хотя жест может получиться красивым.

– Вот тут ты, пожалуй, прав. Если капитан – растяпа, недолго и угодить на дно. У нашего уважаемого президента Ульманиса замашки маленького фюрера, но, увы... только замашки. Сейчас Латвии, как никогда, нужна крепкая власть. Железный кулак.

– Понятно, – кивнул старик. – Курс корабля тебя устраивает, но не нравится капитан.

– А кому он нравится? Я имею в виду людей мыслящих...

– Ты ошибаешься, мой мальчик. И очень. Доктор Ульманис далеко не так прост, как кажется тебе и... – Карл Лосберг выдержал паузу, закончил: – и некоторым твоим «мыслящим» друзьям, с которыми ты встречаешься в доме адвоката Крейзиса.

Рихард изумленно взглянул на отца, с усмешкой покачал головой:

– Ты неплохо информирован, папа...

– Приходится приглядывать за ребенком. Так вот, о капитане... Не так он прост, наш уважаемый господин Ульманис, если сумел затронуть самую звучную струну у латышей – их национальные чувства.

– Ну, затронуть каждый дурак сумеет, дело нехитрое.

– Не скажи... – Старик наконец раскурил сигару. – Он не только затронул – он играет. Дешево, балаганно, но многим эта музыка ласкает слух. Как же – президент в гостях у крестьян, пьет у них на свадьбе. Любой латыш может позвонить президенту по телефону домой. Театральная, конечно, роль, но достаточно эффектная. Под аплодисменты.

Рихард презрительно скривился:

– А если попросить этого актера со сцены?

– Боюсь, не получится. Те, кто мог бы это сделать, за вами не пойдут. Они ведь тоже «мыслящие», им не нужен второй Ульманис. Остальные... Мне очень жаль, сынок, что ты снова оказался в компании этого прохвоста, адвоката Крейзиса. Будь осторожен, Рихард. Их «Гром и Крест»⁴ – опасная политическая авантюра. Держись подальше! – Старик начинал заметно волноваться.

– Поговорить с умными людьми всегда интересно. Тем более, что...

– Держись подальше! – все более раздражался отец. – Твое призвание – честная коммерция. И – все!

– А мне этого мало, отец. Понимаешь? Набивать деньгами мешки... и потом ломать голову, куда их запрятать... Прости, но я убежден, что способен не только на это.

Отец гневно стукнул кулаком по подлокотнику кресла:

– Какие мешки? Сопляк! Да ты хоть один лат заработал? Сам, без моей помощи? Как ты смеешь!..

Он вдруг задохнулся, схватился за грудь. Рихард испуганно кинулся к нему:

– Папа! Что с тобой? Папа...

Лицо Карла Лосберга все наливалось и наливалось мертвенной бледностью, пальцы рук, что вцепились было в подлокотники, – Рихарду почему-то вдруг припомнилось, как он хватался за борт тонувшей яхты, – все слабели и слабели пока наконец не отпустили свою последнюю опору, голова безвольно откинулась набок.

Стычки с отцом повторялись все чаще, становились с каждым разом все круче и нетерпимей. Старый Лосберг упрямо не желал прислушиваться к новомодным разглагольствованиям сына о будущем латышского народа и его личной исторической роли в судьбе нации. С самых ранних лет Карлу Лосбергу вдалбливали понятные и простые истины: лучше быть волком, нежели беззащитной овцой; лишний кусок никогда не мешает; в споре слабого с сильным не принимай сторону слабого. Особенно остро он это почувствовал в девятнадцатом, когда на какое-то время сделался нищим. С тех пор люто возненавидел слово «демократия», которое у него ассоциировалось с понятием «грабеж».

Вернув утраченное состояние, Лосберг вначале удвоил капитал, а затем и утроил. У него появилась новая прядильная фабрика, несколько доходных домов, вклады в швейцарских банках. Он был в ладу с правительством, поддерживал добрые отношения со всеми политическими партиями, за исключением, разумеется, тех, что кричали о демократии и свободе. Рисковал Лосберг только в крайних случаях и всегда держал нос по ветру. Не промахнуться бы, не стать на сторону слабого.

В этом же духе воспитывал он и Рихарда, единственного сына и наследника. Когда назрела пора дать ему фундаментальное образование – к тому времени Рихард уже учился на первом курсе Рижского университета, – решил, что это лучше всего будет сделать в Германии. Среди людей его круга преобладала пронемецкая ориентация. Собственно, к нем-

⁴ «Perkotj-krusts» – «Гром и Крест» – профашистская организация в годы буржуазной власти в Латвии (латыш.).

цам у Карла Лосберга почтительное отношение было всегда. Деловиты, расчетливы, организованны... Еще бы силы побольше. Теперь все как будто склонялось именно к этому. Не случайно некоторые из его знакомых Озолиньшей вдруг преобразились в Озолингов, а Берзиньши стали именоваться Берзингами. Сам Карл Лосберг не спешил с ответом, когда его спрашивали, нет ли в нем немецкой крови. Загадочно улыбался, предоставляя думать о себе, что угодно. Мало ли как потом могло обернуться дело.

Итак, Рихарду было сказано: он поедет к дяде Генриху, продолжать учебу в Мюнхенском университете. Так уж случилось, что младший брат Карла Лосберга, сбежав от революции в девятнадцатом, навсегда поселился в Германии. С одной стороны, сказалось сильное нервное потрясение, которое пережил Генрих, – его чуть не убили на собственном заводе, с другой – вмешалась любовь. Генрих женился на немке, дочери состоятельного баварского пивовара. Не бескорыстно, конечно, но и не так, чтобы только на деньгах. Чувства были. Постепенно, с помощью жены, при участии старшего брата, Лосберг довольно быстро наладил собственное пивное производство, которое со временем стало приносить немалые дивиденды.

Братья резко разнились: Карл был немногословный, худой, аскетичный; Генрих – говорливый, кругленький, жизнерадостный. Но деловой хваткой, способностью учуять добычу и подобраться к ней они как бы дополняли друг друга. Тщательно анализировали обстановку, обменивались информацией, не упускали из поля зрения ни малейшего нюанса. Пришел фашизм и посулил выгоды. Братьев нисколько не смутило, что от него за версту несло кровью. Главное – не просчитаться, не упустить своего.

Рихард был принят в Мюнхене с распростертыми объятиями. И не столь дядей, сколько его супругой. Дородная, похожая на дюжего фельдфебеля, с редкими рыжими усиками и маленькими добрыми глазками на ярко-красном круглом лице, она всю свою любовь и нежность бездетной женщины выплеснула на племянника.

Германия и Мюнхен поразили молодого Лосберга, впервые выехавшего за пределы Латвии. Многое выглядело именно таким, каким рисовалось в его юношеском воображении. Он словно бы попал на другую планету, в иной мир, где было и радостно, и тревожно. Новые впечатления, новые друзья, студенческие пирушки, споры до утра... Данте, Кант, Гегель, Фейербах... Рихарда подавляла безграничность человеческого гения, блеск мысли и глубина разума. Ламброзо, Ницше... С этими было проще, с этими он разговаривал как бы на равных. Во всяком случае, здесь не было ничего заумного и непонятного. Неожиданно, откровенно, захватывающе и... все жизненно. Без фокусов и выкрутасов. Наследственность? Конечно. Добродетели, так же как и пороки, передаются от матери к дочери, от отца к сыну. У вора рождается вор, у проститутки проститутка. Рихард мог привести сколько угодно примеров из жизни. Неравенство среди людей? Чистота расы? Господи, даже у животных существует своя извечная и непреложная иерархия. Стадом повелевает вожак, выживает и побеждает сильный. Естественный отбор. За миллиарды лет сама природа выработала и утвердила свои законы. Они имеют отношение ко всему живому на земле, в том числе и к человеку, который постоянно борется за свое существование.

Но если Богу было угодно благословить именно такой порядок бытия в подлунном мире, то почему бы не попробовать направить развитие естественных и крайне важных законов природы по более разумному и организованному пути? Не припела ли пора подумать о породе самого человека? Потрясенный, Рихард не утерпел, обратился к одному из своих новых приятелей, Манфреду Зингруберу.

– Но это же нереально.

– Почему? – снисходительно усмехнулся тот. – Любая операция кажется нереальной до тех пор, пока нет достойного хирурга. Ничего сложного. Так же, как выводят скот. Селекция

и селекция. Какая-нибудь сотня лет – и на земле будут жить люди, достойные этого звания, а не двуногие млекопитающие.

Рихард учился не то чтобы очень прилежно, но вполне сносно, хотя особого рвения не проявлял. Германия бурлила. Национал-социализм принес с собой не только новую мораль, но и новую философию – более увлекательную, динамичную и более заманчивую для некоторой части молодого поколения немцев. Они пьянели от сознания своего расового, национального превосходства. Сидеть в аудитории и корпеть над избитыми книжными истинами в то время, когда рядом, за стенами, вершилась новая история человечества, было по крайней мере глупо. Вместе со студентами, из которых Рихард больше всего сдружился с Манфредом Зингрубером – стройным голубоглазым красавцем, сыном известного фабриканта, – он участвовал в манифестациях, маршировал по улицам, кидал в костры книги Гейне и Маркса, зачитывался Ницше и Адольфом Гитлером. Лосберг был бы вполне счастлив, если бы не одно щекотливое обстоятельство. Как только кому-то из его новых знакомых становилось известно, что он не немец, что-то сразу же менялось в их отношениях. Рихард, пожалуй, и не сказал бы сразу, что именно. С ним по-прежнему были вежливы и предупредительны, его не обделяли ни куском, ни бокалом на студенческих пирушках, но его как-то очень деликатно сторонились, когда речь заходила о политических акциях. Ему словно бы давали понять, что существует грань, за которую переходить не рекомендуется.

Рихард не подавал виду, что чувствует себя чужаком, бодрился, но обида от этого не проходила. Отныне он, беседуя с товарищами, пристально вглядывался в их глаза, настороженно прислушивался к каждому слову, отыскивал во всем второй, скрытый от него смысл. И часто находил этот смысл там, где его вовсе не было. Страдал еще и оттого, что действительно ощущал себя неполноценным. Как ни старался изображать из себя молодца не хуже Зингрубера, многое у него не получалось. Во-первых, не было той убежденной озлобленности, которая все больше отличала его некоторых приятелей, во-вторых, ему было попросту страшно.

Однажды – это случилось в тридцать третьем, то есть сразу же после его приезда в Германию – они с Манфредом надумали избить одного парня. Вернее, решил Манфред, а Рихард постеснялся отказаться. За что избить? А так. За то, что он – еврей – добровольно не уходит из университета. К ним присоединилась целая компания – в желающих поучаствовать в развлечении недостатка не было. Тогда Рихард впервые увидел, что значит стая хищников, обезумевших от крови. Били тяжело, методично, со вкусом. Рихард тоже ударил. Раз или два. Его поразило, что избиваемый не кричал, даже не стонал. Он шарил по земле руками, пытаясь отыскать очки. Это только подхлестывало компанию.

Потом пьянствовали в пивной, поздравляли друг друга с крещением и первой победой. Рихард пил вместе со всеми, чувствуя, как тошнота подступает к горлу, как липнут ладони, как колотится сердце. Перед глазами неотступно стояло лицо парня. Дома его вывернуло наизнанку, и так продолжалось до утра. Тетка ухаживала за племянником, журила баловника, не подозревая об истинной причине его недуга. Потом были еще драки, еще кровь и бессмысленная жестокость, и каждый раз он переживал это не менее мучительно. А когда понял, что Манфред догадывается о его состоянии, то и вовсе почувствовал себя безобидным пуделем, затесавшимся в свору гончих псов.

Международное положение усложнялось. Гитлер и его компания перешли от слов к делу: земля Европы обагрилась кровью, в воздухе запахло порохом и гарью. Многие из бывших знакомых Рихарда добровольно надевали военные мундиры. Немцы преображались на глазах. Даже милая, сентиментальная тетюшка, и та постоянно ходила на какие-то собрания, приносила оттуда новые мысли, незнакомые слова, строго покрикивала на прислугу – при этом зло надувала губы и топорщила усы. Всем своим видом тетка как бы подчеркивала, что она немка и судьба Германии ей не безразлична. Дядя Генрих уныло наблюдал за этой

переменой, но не вмешивался, не делал жене замечаний. Все ходили словно в тумане, настороженно и опасливо наблюдая друг за другом. Во всем надо было соблюдать крайнюю осторожность: с инакомыслящими не деликатничали. Тем более с иностранцами.

Вокруг Рихарда все ощутимей образовывалась пустота. Он невольно напоминал себе человека, нестати пожаловавшего в гости: только отнимает время да морочит хозяевам голову. Единственный, кто не изменил к нему своего доброго расположения, был Манфред. Лосберг не мог упрекнуть друга в неискренности. Но даже тот вынужден был в конце концов покинуть приезжего друга-латыша. Зингрубер тоже надел военную форму. Случилось это на четвертом курсе. Манфред был отчислен из университета. Вернее, он сам себя исключил из списка студентов, уже больше года вообще не появляясь в аудиториях. Лосберг понял, что настала пора убраться восвояси.

Кое-как домучив последний курс и получив диплом, он возвратился в Латвию, увозя в душе странное и противоречивое отношение к немцам. Рихард им завидовал и ненавидел их. И хотя в Риге все было не так, как в Мюнхене: и пожиже, и провинциальнее, в нем вдруг с неожиданной силой вспыхнула любовь к родине. Потому что только здесь он снова почувствовал себя человеком, уважаемым и достойным.

Но огорчило другое: дома происходило что-то несуразное, совсем противоположное тому, что он видел в Германии. Президент Ульманис актерствовал, произносил речи, поучал, напутствовал, заверял, успокаивал, заигрывал с немцами, флиртовал с русскими, пожимал руки хуторянам, а государственный корабль у всех на виду, медленно и неотвратно, опускался на дно.

Убрались из Латвии немцы, за ними кое-кто из латышей, предприниматели спешили избавиться от частной собственности и, несмотря на большие сложности и всякие ограничения, переправляли капитал за границу. Другие в надежде глядели на восток, робко исповедуя «красные» настроения. Правда, находились и такие – их было значительно меньше, – которые страстно желали национальной самостоятельности. И хотя Рихард сразу же примкнул к их числу, эти люди были ему не симпатичны, потому что не представляли убедительной и серьезной силы. Так, общие разглагольствования, амбиции и обиды. Даже мало-мальски конкретной программы у них не было. Не смог бы ее предложить и Лосберг. Он присутствовал на встречах – легальных и полулегальных, выслушивал соотечественников, спорил, бранился, но не более. Как правило, словопрения на поверку оказывались чистейшей схоластикой и демагогией. Вроде того: почему это Швеция и Швейцария могут существовать самостоятельно, а Латвия не может? Дашь свободу и независимость! Конечно, они чувствовали, как почва ускользает из-под ног, а это означало новые неприятности и унижения.

Может, прав все-таки Освальд Крейзис, его давний университетский приятель? Химеры никогда не приносили пользы. В реальной жизни из всех зол всегда следует выбрать меньшее, иначе тебя постигнет катастрофа. Или Латвия воспользуется покровительством Германии и внесет свою лепту в шествие фашизма по Европе, или ее захватят коммунисты. О них даже думать было страшно. Впрочем, фашизм тоже был не по вкусу Рихарду. Память невольно возвращала его в Мюнхен, к тому, что он так и не сумел принять. Поэтому, наверное, и не получалось откровенного разговора с Крейзисом. Так, светские беседы – вокруг да около.

Рихарда с Освальдом связывала давняя дружба. Они познакомились случайно на одной из студенческих вечеринок, куда Лосберга, тогда еще гимназиста, затащил один из его более взрослых приятелей. Крейзис к тому времени был уже студентом университета, притом студентом-переростком. Молодые люди пришли друг другу по душе и, несмотря на значительную разницу в возрасте, подружились.

В тот год, когда Рихард уезжал в Германию, Освальд начал свою самостоятельную адвокатскую практику. Они переписывались, информировали друг друга не только о лич-

ных делах, но и о том, что происходило вокруг них. Вначале Лосберг с восторгом писал о Мюнхене, о новых друзьях, об их шалостях и забавах, естественно, не в открытую, а индифферентно. Крейзис, в свою очередь, рассказывал о собственных успехах – дела у молодого адвоката пошли на удивление блестяще, с каждым днем он становился все более известным юристом. Освальд намекал на свою причастность к каким-то событиям особой важности.

Затем тональность писем и с той, и с другой стороны заметно изменилась, в них стали проскальзывать раздражение и разочарование. Правда, как потом выяснилось, основа для этого у друзей была разная. На Рихарда повлияло понимание собственной малоценности и обиды, у Освальда настроение переменялось от отчаяния и досады.

Оказалось, что Крейзис был активным участником крайне правой профашистской организации «Perkotj-krusts», программа которой предусматривала создание активных боевых отрядов наподобие немецких штурмовиков, захват власти и провозглашение абсолютной фашистской диктатуры. В программе проповедовались расовая чистота, восстановление национальных традиций, антисемитизм и прочее.

Для страны с хуторским крестьянским укладом это было уже чересчур. Ульманис решил одним махом разделаться с конкурирующей фирмой: в январе тридцать седьмого года состоялся скандальный процесс по делу организации «Гром и Крест». Перконкрустовцев обвиняли в том, что они хотели с оружием в руках свергнуть национальное правительство. И для этого создали свои боевые отряды. Руководитель организации Густав Целминьш отправился в Италию, поближе к своему духовному отцу Муссолини.

Крейзису каким-то чудом удалось избежать огласки и скандала, но злость и неудовлетворенность от провала не давали покоя, Целминьш – из Италии он перебрался в Финляндию – пытался из-за границы руководить перконкрустовцами, однако не надо было обладать особым политическим чутьем, чтобы не понять, насколько это бесперспективно. Заработать себе на жизнь, подпортить кому-то настроение было еще можно, добиться же чего-то более серьезного, конечно, нельзя. И Крейзис решил вести дело самостоятельно, послав заграничных руководителей к чертовой матери.

Дело оказалось не простым: требовались осторожность и выдержка, тщательный отбор единомышленников. Желавших прибрать власть к своим рукам к тому времени уже было сколько угодно. С одной стороны, это вроде бы сулило выгоды – легче стало вербовать сторонников. С другой, такой энтузиазм создавал и особые трудности. Объяснялось это тем, что общей платформы и единой точки зрения у энтузиастов не было. Всякий норовил изречь собственную истину, и далеко не каждый принимал программу перконкрустовцев. Стало быть, новый провал неминуем? Допустить его было смерти подобно. Вот почему даже в отношениях с Рихардом Крейзис проявлял особое терпение и сдержанность. Пусть поглядит, осмотрится – сам поймет, что другого пути у латышей нет.

С отцом Рихард схватился сразу же после возвращения из Мюнхена – он нелестно отзывался о немцах. Лосберг-младший попытался было сформулировать свои мысли, поговорить с отцом по душам, но тот решительно не принял ни его доводов, ни его откровения.

– А что тебя, собственно, не устраивает в немцах? – холодно спросил Лосберг-старший. – То, что ты сам не немец?

Отец безжалостно ударил в самое больное. Рихард сцепил зубы, ответил не сразу.

– Меня не устраивает их беспардонное чванство. Их уверенность, что им все дозволено и доступно.

– Не устраивает или тебе завидно?

Кровь бросилась Рихарду в лицо. Он хотел ответить дерзостью, но отец не дал ему раскрыть рта:

– Не мы определяем свое происхождение, сынок. Кому быть волком, кому – овцой. Если не можешь стать таким, как они, лучше думай о том, чтобы тебя самого не сожрали. Это разумней, чем строить из себя оскорбленную невинность.

Спор коснулся и дяди Генриха: правильно ли тот поступает, оторвав себя от родины. Но главное началось тогда, когда Карл Лосберг объявил, что сворачивает производство и тоже уезжает в Германию. И хотя Рихард, сам не видевший другого выхода, был в душе согласен с родителем, решение отца и сознание собственной беспомощности вызвало новый приступ горечи и обиды. Неужели им всю жизнь суждено унижаться и вымаливать снисхождение?

Попытался было поговорить откровенно с Крейзисом и тут же испугался.

– Развешать бы их всех на уличных фонарях, – отрезал тот.

Рихарду в какой-то миг показалось, что перед ним сидит не Освальд, а один из тех, кто избивал еврейского парня в Мюнхене. Господи, да что ж это такое? Адвокат, сам почуяв, что зашел слишком далеко, решил все превратить в шутку. Он делано рассмеялся и похлопал Лосберга по плечу: ты что, мол, всерьез принял?

Нет, Освальд не шутил, и Рихард это безошибочно понял.

Стало еще страшнее. Но его удивило, что отец, который, казалось, должен был бы приветствовать пронемецкую организацию, пришел в неистовую ярость, когда узнал о связи сына с адвокатом Крейзисом. Не впутываться ни в какие политические авантюры – вот что было вечным и непреложным принципом Карла Лосберга. Коммерция и только коммерция. Флаг над головой, рассуждения о национальном достоинстве и долге – все это труха, не более. Реальной властью никогда не располагали болтуны, она принадлежала только тем, кто мог заплатить за нее чистой монетой.

Рихард и хотел бы верить в это, но ему вспоминался дядя Генрих, всегда чуточку виноватый и затравленный. Неужели и сам он станет таким же? Надо было что-то предпринимать, что-то делать. Но что именно, он не знал.

Домашний кабинет учителя Акменьлаукса был похож на библиотеку и одновременно на лабораторию. На полках и на столах громоздились книги, приборы, карты, барометр. Артур сосредоточенно решал какое-то сложное математическое уравнение. Работал уверенно, быстро, от нетерпения еле дописывал хвостики знаков и цифр. Учитель Акменьлаукс – прямой, костистый, с чеканным профилем (за что получил прозвище Архимед) – расхаживал по комнате, заложив руки за спину, изредка поглядывая через плечо своего великовозрастного ученика и удовлетворенно хмыкал:

– Резонно... резонно. – Вдруг насторожился, нахмурил брови: – Что, что? Ну нет, дружище, это не резонно.

Артур не ответил, только еще быстрее заскрипел пером по бумаге. Акменьлаукс напряженно следил за ходом доказательства. И когда Артур уверенно подчеркнул равенство, одобритительно кивнул:

– Ну что ж, так тоже можно. И тоже – резонно. – Он оглядел парня и улыбнулся. – Молодец, ничего не скажешь. – Наморщил лоб, проговорил твердо и уверенно: – Ты должен поехать и официально оформить перерыв в учебе. Предъявить свидетельство о смерти отца, остался-то всего один курс.

– Но за этот год я все забуду...

– Будешь заниматься со мной. Возьмешь книги. Отец хотел, чтобы ты стал капитаном.

Артур молчал, задумавшись. Акменьлаукс посмотрел на него, улыбнулся, потрепал по плечу:

– Я понимаю, что тебя гложет. Но ведь это зависит только от вас обоих. За счастье нужно бороться. Тогда и Озолс ничего не сможет с вами сделать.

Артура передернуло.

– Неужели люди не могут быть просто людьми? Дружить, любить, не спрашивая, сколько у кого в сундуке?

Акменьлаукс помолчал, похрустывая сцепленными за спиной пальцами, потом сказал:

– Я понимаю, о чем ты спрашиваешь. Но... это гораздо серьезнее, чем ты думаешь.

Артур захлопнул тетрадь, резко поднялся, отошел к окну, проговорил с болью:

– Ничего не понимаю. Тот же отец... Были же друзьями с Озолсом, оба с нуля начинали. А потом? Один стал хозяином, другой у него работником. Артель организовали – тут уж вроде бы все равны. Ничего подобного: один из лодки не вылезает, а ничего, кроме долгов, не прибавляется, другой сидит себе на берегу и жирок нагуливает. Умнее они нас, способнее, что ли?

Акменьлаукс криво усмехнулся:

– Это, Артур, и сложнее, и проще. Брать – не отдавать. Всю жизнь грести только под себя... Дай Аболтиньшу возможность, он бы собственные кишки сожрал. Умнее? Их ум – это совесть наизнанку. Лощеные, благородные, щедрые. А чуть что, за свое барахлишко глотку перервут. Неважно кому – женщине, старику, ребенку. Нагляделся я...

Учитель пристально посмотрел в глаза парню.

– Ты когда едешь в Ригу?

– Завтра. Нас с Лаймоном за сетями посылают.

– Тогда вот что... – Акменьлаукс достал из ящика стола запечатанный конверт. – Возьмишь это письмо.

– Хорошо, я опущу.

– Нет, на этот раз опускать не надо. Видишь, здесь даже адреса нет. Нужно передать из рук в руки. Понял?

– Да.

– Но учти, дело опасное. Если боишься, лучше откажись. Ладно, ладно, – заметив возмущенный жест Артура, улыбнулся учитель. – Тогда запомни. У входа в Верманский парк есть газетный киоск...

По шоссе мчался красный автомобиль Рихарда. Рядом с ним в машине сидели трое айзсаргов с винтовками. Они были навеселе, больше других шумел Зигис.

– Ну что? – Он вертел в руках серебряный кубок. – Приз-то я получил не зря? Выбить девяносто шесть из ста возможных!

– Жалко, что там не было парусной регаты, – язвительно перебил его Бруно, – вот где ты бы себя показал.

– Ладно, Бруно, – вступился за Зигиса Рихард. – В конце концов, он же не морской айзсарг. Зато на земле стоит твердо. Верно, Зигис?

– Я думаю, – вмешался в разговор старший сын лавочника Волдис, – что этот наш экстренный слет неспроста. Заметили? И полковник в своей речи намекнул – мол, должны быть готовыми ко всему и держать порох сухим.

– Главное, не передержать, – усмехнулся Рихард. – Чтоб из него дух не вышел.

– Как-как вы сказали? – переспросил, недослышав, Зигис.

– Говорю, что красные наглеют с каждым днем.

– Бойтесь переворота?

– А ты не боишься, что у твоего отца отнимут трактир, а тебя заставят петь «Интернационал»? – съехидничал Бруно.

– Пусть только сунутся.

– Когда сунутся, будет поздно, – жестко отрезал Рихард. – Бить надо всегда первым.

Машина остановилась на площади возле трактира.

– Ну как? – обратился к компании Зигис. – Предлагаю всем выпить из этого кубка. Омыть мой трофей.

– Гуляйте, друзья! – Рихард přátельски хлопнул его по плечу. – У меня, к сожалению, дела. – И, высадив айзсаргов, круто развернул машину.

К стене дома Озолса была прикреплена большая металлическая табличка с надписью: «Управляющий отделением Акционерного общества “Рыбак”». Озолс с заброшенным за спину ранцем опрыскивал в саду яблони.

– Ты куда собралась? – спросил он вышедшую на крыльцо Марту, заметив у нее перекинутое через плечо полотенце.

– Не волнуйся, не на свидание, – с вызовом ответила та, широко распахивая калитку.

Отец сокрушенно посмотрел вслед дочери, тяжело вздохнул. Уже на самом берегу ее догнала Бирута и быстро затараторила:

– Один человек просил тебе передать... – Она чмокнула Марту в щеку.

– Что передать?

– Да вот это самое, – Бирута поцеловала ее еще раз. – Догадалась, от кого? Они с Лаймоном в Ригу поехали, за сетями. Артур – еще насчет училища похлопотать.

– Надолго они, не знаешь?

– Ну, если Лаймон не затеет на фабрике какой-нибудь митинг... Ему же всегда больше всех надо. Ох и жарится! Я окунусь. – Скинув платье, она побежала к воде.

Марта невольно залюбовалась стройной, бронзовой от загара фигурой девушки в сверкающих на солнце брызгах.

– А вода холодная! – крикнула Бирута.

Пока Марта скинула туфли, расстегнула халат, подруга успела вернуться.

– Тебя не дожدهшься, – растираясь полотенцем, сказала она.

– Да я сейчас, погоди!

– Нет, побегу. Отец сердиться будет, в огороде работы полно. – Бирута подхватила платье и, помахав на прощанье рукой, бросилась к дому.

Марта уронила халат на песок рядом с полотенцем, подобрала узлом волосы, но в воду идти не спешила, разморенная жарой. Опустилась в тень у старого карбаса, подперла голову руками, задумалась. Все складывалось неважно: отец продолжал вести себя круто и неумолимо – Артур это чувствовал и ершился. Резко изменила к ней отношение мать Артура. Порой Марта ловила на себе неприветливые взгляды Зенты, и... вообще теперь ей все чаще казалось, что все вокруг настроено к ним враждебно и неискренне. Нет, она нисколько не сомневалась в своей самостоятельности, но неприятности, по всей видимости, только начались. Девушка так ушла в свои думы, что не обратила внимания, как сзади кто-то подошел. Обернулась лишь тогда, когда почувствовала на себе чей-то пытливый взгляд – перед ней стоял Рихард. Пряча под неловкой улыбкой смущение, он восхищенно смотрел на Марту. Она поспешно поднялась.

– Адская жарница, – осипшим голосом сказал Лосберг.

– Купайтесь, – улыбнулась девушка.

– Только вместе с вами.

– Нет, я передумала. Вода слишком холодная.

– Странно. Казалось бы, по законам логики...

– Вероятно, здесь свои законы. И своя логика. – Она набросила на плечи халат. – А я считала, что вы уехали. В поселке говорили, будто вы продаете дачу.

– Отец болен, отъезд откладывается, – помолчал, хмуро добавил: – И потом, откровенно говоря, лично я вообще не собираюсь уезжать.

– Да, я тоже не представляю себе, как можно жить вдали от родины. Но как вы отпустите отца одного? У вас, наверное, есть для этого серьезные причины?

– Да, серьезные, – коротко ответил Рихард и переменял тему: – Я заходил к Артуру. Мне сказали, он в Риге. Хотите, поедem к нему? Поищем. А не найдем – тоже не беда. Погуляем.

Марта отрицательно качнула головой:

– Спасибо.

– Боитесь, Артур приревнует? – улыбнулся Лосберг, отшвыривая носком туфли обглоданный морем сучок. – Ну и напрасно. Вы же знаете, как я к нему отношусь. Я перед ним в большом долгу.

– В долгу-то, к сожалению, он, – грустно, как бы про себя заметила Марта.

– Да слышал. Мне очень хотелось бы ему помочь, но не знаю как. Такой самолюбивый парень...

– Нет, он гордый и очень честный.

– Ему нелегко будет жить, – убежденно сказал Рихард, подходя к машине. – Все-таки садитесь. Прокатимся, поговорим, подумаем, нельзя ли ему как-то помочь. – Видя, что она колеблется, решительно взял за локоть. – Садитесь! Хотя бы до дому вас довезу.

– Ну разве что...

Артур с Лаймоном вернулись под вечер. Усталые брели по берегу. Легкий ветерок отдельными незлобивыми порывами налетал на зеркальную гладь моря. Огромное, основательно потускневшее солнце, опускаясь в его пучину, окрасило горизонт синевой и багрянцем.

– Кажется, кого-то встречают, – пристально посмотрев вперед, проговорил с улыбкой Лаймон.

Артур покраснел, опустил глаза – он еще давно, еще с моря заметил поджидавшую на берегу Марту. Не пробежав десятка метров, девушка замедлила шаг, явно смущаясь присутствия Лаймона, степенно проговорила:

– С приездом!

– Спасибо, – за обоих ответил Лаймон и, искоса взглянув на счастливую физиономию друга, поспешно ретировался.

– Артур! – положив руки ему на плечи, Марта поцеловала парня в щеку.

– И не боишься? – полный смятения и счастья, спросил он.

– Не-е.

– А если отцу скажут?

– Пусть, – она еще раз поцеловала Артура.

– Тут явно что-то произошло, – лукаво улыбнулся он. – Ну-ка, выкладывай!

– Нет, сначала расскажи, как съездил. Уладил с училищем?

– Да как будто в порядке. Обещают оформить отпуск на год.

– Тогда – вот! – Она, словно фокусник, выдернула из рукава бумагу.

– Что это?

– Да вексель же твой! Рихард выкупил у моего отца. Велел передать тебе.

– Рихард? С какой стати?

– Ну... вероятно, он как-то хочет отблагодарить. Все-таки ты спас ему жизнь.

Артур пристально посмотрел на Марту:

– А при чем здесь ты? Ты что, говорила с ним обо мне? Просила?

– Я так и знала, – обескураженно проговорила она. – Вместо того чтобы радоваться...

– Чему?

Девушка не нашлась что ответить.

– Странно как-то... Я должен сейчас же поговорить с Рихардом.

Возле подъезда дачи Лосбергов Артур с удивлением увидел несколько запыленных, судя по всему, приехавших издалека автомобилей. Входная дверь была открыта, Банга вошел внутрь. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, он встретил молчаливых, одетых в черное людей. Наверху, из-за неплотно прикрытой двери, слышались сдавленные рыдания. Артур растерянно огляделся, прислушался. Рыдания смолкли. Теперь оттуда доносилась приглушенная молитва. Нетрудно было догадаться, что в доме несчастье. Он уже повернулся, чтобы уйти, но тут распахнулась дверь кабинета и Банга увидел Рихарда. Молодой Лосберг сидел точно так, как во время последнего разговора с отцом. Только кресло-каталка напротив него было пустым. Остановившимся, безжизненным взглядом Рихард смотрел на гостя.

– У тебя несчастье, – подходя к нему, смущенно пробормотал Артур.

– Отец, – хрипло выдавил Рихард. – Ты поймешь меня. Ты знаешь, что такое потерять отца.

Банга молча сжал ему локоть.

– Как мы бываем жестоки к ним при жизни! – Рихард едва сдерживал рыдания. – Никогда себе не прощу...

Артур стоял рядом, молчал, уважая чужое горе. И вдруг Лосберг заметил в его руке вексель.

– Марта передала тебе?

– Да. Я как раз шел... Хотел сказать, но...

– Говори, – Рихард смотрел на него тяжелым взглядом.

– Не сочти меня неблагодарным, но я так не могу. Я не хочу, чтобы ты оплачивал мои долги.

Нервная судорога пробежала по губам Лосберга. Он взял у рыбака вексель, задумчиво повертел в пальцах.

– О чем ты говоришь? Чего вообще стоит наша жизнь? Суедемся, хлопчем, вечно спешим куда-то, а потом... – Он достал из кармана зажигалку и, щелкнув ею, поднес вексель к огню. – Нет у тебя никаких долгов. – Бумажка вспыхнула, заглушая горьким запахом дыма приторно-сладкие ароматы стоявших повсюду цветов.

– Пусть не теперь – через год, через два... Через пять лет! Мы согласны ждать, сколько скажешь. Только дай нам надежду, хоть какую-нибудь. Хоть самую малую!

Какая жгучая, неистребимая жажда сорвала Марту среди ночи с постели... Сколько она перестрадала, если еще раз решилась докричаться, достучаться до отцовской, наглухо запертой души. В длинной белой рубашке, простоволосая, с измученным от бессонницы и слез лицом, она пришла не убеждать, не уговаривать... Молить, ждать чуда.

– Ты видишь, Артур делает все, чтобы ничем не унижить тебя. Работает, учится. Ради меня готов на все. Чужие люди сочувствуют, помогают ему. Даже Лосберг. Кто ему Лосберг? – Она опустила перед отцом на колени. – Умоляю тебя... Ради мамы... Вспомни ее, отец!

И будто от ее слов колыхнулось пламя свечи. Погасла в глазах Озолса жесткая, властная сила. Сгорбившись в кресле, с Библией на коленях, в сдвинутых по-стариковски на лоб очках, он с нежностью, с бесконечной любовью смотрел на прикинувшую к его коленям голову дочери. Рука Якоба потянулась к теплему золоту рассыпанных по плечам волос. Потянулась и замерла, повисла в воздухе.

– Ступай спать, Марта, – непримиримо произнес он. – И выкинь глупости из головы. Ты вольна поступать как знаешь. Но я тоже слов на ветер не бросаю.

Девушка встала, не поднимая глаз. Непроницаемой, каменной, как у отца, маской застыло ее лицо.

Ветер гнал с моря рваные, клочковатые тучи. В просветах мелькала луна. В ее призрачных лучах темнела над запрудой громада старой водяной мельницы, едва различимая в густых зарослях кустарника и травы. Монотонно журчала вода. Ее серебряный перезвон глухо доносился наверх, где на дощатом настиле под самой крышей, на ворохе сухого сена, сидели Артур и Марта. Через проем выбитого окна на них струился лунный свет. Они сидели, тесно прижавшись, взявшись за руки, слушали мелодичный говор воды.

– Знала бы ты, как мы, мальчишки, завидовали рыбакам, когда они возвращались с острова Роню. Нам казалось, будто это какая-то сказочная земля. Отец обещал меня взять туда, да так и не успел. А теперь...

– Вы надолго уходите? – спросила Марта.

– Море есть море. Лососю не прикажешь, когда в мережу лезть. Думаю, на неделю.

– Значит, не проводишь меня?

Артур не ответил. Только зло стегнул веточкой по соломе.

– А может, все-таки вместе уедем в Ригу? Тебе же всего год остался...

Он пожал плечами.

– А мать? – Помолчал, прислушиваясь к звону воды. – Ты больше не пробовала говорить с отцом?

Она ответила не сразу.

– Думаю, пока не окончу университет, бесполезно.

– Четыре года, – горько усмехнулся Артур.

– Ну и пусть четыре! – Марта порывисто прижалась к нему, прошептала жарко и трепетно: – Все равно я твоя... Понимаешь, твоя. На всю жизнь.

Он бережно целовал ее тревожно распахнутые глаза. Серебряным звоном журчала в призрачном сумраке вода, плыли над старой мельницей просвеченные луной тучи. Марта и Артур лежали, обнявшись, в мягком, душистом сене.

– Марта... Любимая... Ты не пожалеешь потом? Не будешь меня проклинять?

Слезы и улыбка, чистая, как весенний луч, осветили ее лицо.

– Молчи-молчи! О чем мне жалеть? Я – твоя жена.

На рассвете, еще затемно, рыбаки собирались выходить в море. Грузили снасти, ровно постукивал на малых оборотах двигатель.

– Все тят-ляп... Черт их знает, – бурчал не проспавшийся после вчерашней попойки Марцис. – Лишь бы побыстрее.

Лаймон несколько раз искоса взглянул на Артура – тот был, что называется, сам не свой. Уронил канистру с горючим, поднял, снова упустил из рук.

– Ты что такой смурной? – скрывая за улыбкой тревогу, спросил Лаймон. – Новые долги завел?

– Считай, что так, – путаясь в сетях, ответил Артур.

Они уже отошли на порядочное расстояние от берега, когда небо над поселком окрасил непонятный багровый отсвет. Легкий ветерок принес оттуда тоскливый звон колокола.

– Пожар! Ей-богу... – тревожно выдохнул Марцис.

Теперь все, не отрываясь, смотрели в одну сторону – зарево над дюнами становилось все ярче и ярче.

– Разворачивай! – приказал Спуре.

– А как же?... – попытался было возразить кто-то из артельных, но на него негодуяще зашумели.

– Не слышишь, что ли? Даже сюда горелым тянет. Давайте, братцы, давайте!

Горел дом Озолса.

Пожар охватил подворье, над пылающими постройками взрывались снопы искр, летели раскаленные головни. Ревели, рвались из горящего хлева осатаневшие коровы. В дыму, в багровых сполохах металась по двору люди. Кто тащил узлы, стулья, вороха какого-то тряпья, кто плескал ведрами воду. Несколько парней, упираясь плечами, выкатили из сарая телегу. Калниньш, заслоняясь полой от жара, яростно рубил топором заклинившую дверь конюшни. Оттуда несло дикое ржание испуганных лошадей.

Озолс – всклокоченный, страшный – бестолково путался под ногами, бросаясь то к одному, то к другому.

– Помогите! Родненькие, не оставьте... Воду... Скорее воду! О господи...

Марта оцепенело смотрела на гибнущий дом. Бирута с Зентой что-то говорили ей, неразличимое в этой сутолоке и шуме. Пытались увести подальше от пожарища, но она не трогалась с места.

Калниньш наконец прорвался в конюшню, сорвав тяжелую дверь, и тут же выскочил обратно, с трудом удерживая за повод двух лошадей. Они дико скалились, норовя вырваться. Тут-то на него и наскочил совсем потерявший голову Озолс.

– Сейф!.. – сдавленно прохрипел он. – Там...

– Какой сейф? – недоуменно переспросил Калниньш. Ему показалось, что Озолс свихнулся.

– Маленький такой, как сундучок... Деньги, бумаги, векселя... Все!

Калниньш хмуро уставился на пылающий дом:

– И что? Ты хочешь, чтобы я лез туда?

– Пятьсот латов дам!

– На том свете мне твои латы ни к чему.

– Тысячу дам, слышишь? Тысячу!

Калниньш, казалось, на секунду заколебался.

– Сам лезь! – метнулась к ним Айна, отталкивая мужа. – Совсем одурел.

Озолс постоял секунду, тупо глядя им вслед, потом как-то странно дернулся, набросил на голову рядно, сорвался с места и запрыгал на своем протезе в самую ярость пожара.

– Куда? – кинулся на перехват Калниньш. – Сгоришь со своим сейфом.

– Пусти! – отчаянно заорал старик. – Пусти! – И, с неожиданной силой отшвырнув Андриса, он проворно добежал до дома, рванул дверь и скрылся в огненном, гудящем аду.

– Отец! – пронзительно вскрикнула Марта, силясь вырваться из рук женщин.

И вдруг все замерли... Над домом взвился гигантский сноп искр, раздался треск – толпа ахнула. Пылающая кровля дрогнула, начала медленно оседать.

Как раз в этот момент к пожарищу подкатил красный автомобиль Лосберга. Не открывая дверцы, Рихард перемахнул через борт машины, пробился сквозь толпу к бьющейся в руках женщин Марте.

– Что? Что такое?!

Она смотрела на него помутневшими от ужаса глазами.

– Отец!

Рихард оглянулся на гудящий пламенем дом и все понял. Лишь одно мгновение владели им отчаяние и нерешительность.

– Какого же черта!.. – хрипло выкрикнул он. И вдруг бросился к Калниньшу, сорвал с него брезентовую куртку, выхватил у Зенты платок, обмотал голову. – Воды!

На молодого Лосберга выплеснули несколько ведер воды, и он ринулся в огонь. Все происходящее было настолько фантастичным, разворачивалось в таком стремительном темпе, что Марта невольно переключила свое внимание на Рихарда. Схватив Бируту за руку, она с силой потащила ее к огню.

Еще раз подалась и хрустнула крыша. Продержалась несколько томительных секунд и, заглушая крики ужаса, с обвальным грохотом рухнула вниз. Огненные круги поплыли перед глазами Марты. Она покачнулась, подняла руки, словно пытаясь за что-то ухватиться.

Калниныш вздохнул, потянул с головы шапку, да так и застыл: из густых, заволоклих подворье клубов дыма показался Рихард. Обхватив бесчувственного, тяжелого, как мешок, Озолса, он упорно, шаг за шагом, волок его за собой. Опомившись, рыбаки бросились к ним, сбивая шапками пламя с горящей одежды, плеская ведрами воду. Рихард каким-то чудом еще держался на ногах, жадно хватал ртом воздух. Его хотели подхватить, но он отстранился и только показал обгорелой, вздувшейся волдырями рукой на лежащего Озолса:

– В машину... быстро! – И побрел, шатаясь, сквозь почтительно расступившуюся толпу.

Калниныш присел над стариком. Тот, хоть и без сознания, крепко прижимал к животу маленький, окованный железом сундучок. Андрис попробовал забрать – не вышло. Обожженные пальцы вцепились намертво.

– Выживет, – уверенно заключил Калниныш и кивнул рыбакам.

Подняв Озолса, они так и понесли его к машине – вместе с сундучком. О Рихарде на какое-то мгновение забыли. Лосберг попытался было самостоятельно взобраться на подножку автомобиля, но покачнувшись и, теряя сознание, рухнул наземь. За руль сел Бруно.

Машина уже тронулась с места, когда рыбаки прибежали на пожарище. Артур с удивлением и тревогой проводил взглядом удалявшийся автомобиль. Успел заметить там Марту. Дом догорал. На подворье еще слонялись люди, таскали какие-то вещи.

– Живи-наживай... – вздыхали старики. – Все под богом ходим. Сегодня хозяин, а завтра по миру с сумой.

– Ну, положим, Озолс-то не с сумой, а с сундучком. Не на один дом хватит.

– Вот-вот! – въедливо подхватил Аболтиныш. – Чужой достаток всегда бельмом на глазу. Неспроста этот пожар, не-ет... Уж помяните мое слово – неспроста!

– Ладно болтать-то...

– А что? – не сдавался Аболтиныш. – Видно, крепко допек кого-то.

– Недаром говорят: как пришло, так и ушло.

Увидев мать, Артур подбежал к ней:

– Мама, что с Мартой? Она... Почему увезли?

Зента с грустью посмотрела на посеревшее от тревоги лицо сына, ласково коснулась его плеча:

– Бог миловал, сынок. Все живы.

Артур оглянулся на пепелище и неожиданно заметил Петериса. Единственный из всей толпы он сохранял полное спокойствие и невозмутимость. Даже больше того, Петерис с аппетитом что-то жевал. Его маленькие глазки-щелочки светились неприкрытым торжеством и злорадством.

Глава 4

Марта проснулась от скользнувшего по лицу солнечного луча. Открыла глаза и удивленно огляделась, не сразу вспомнив спросонок, где она. Обвела взглядом обтянутые дорожными гобеленами стены, белую, с позолотой, старинную мебель, пушистый ковер на полу. Возле нее, в китайской фарфоровой вазе, алел огромный букет роз. Цветы были только что срезаны, на лепестках еще дрожали капли росы. Марта невольно улыбнулась им, коснулась ладонью, словно желая приласкать. И тут же согнала улыбку, убрала руку, услышав приближающиеся шаги. Вошла молоденькая горничная, поставила на столик возле кровати поднос с завтраком:

– Доброе утро, барышня!

– Доброе утро, Илзе! Вы по-прежнему считаете меня нездоровой? – В голосе Марты слышались нотки раздражения.

Горничная смутилась, виновато пролепетала:

– Я... Но так велел господин Лосберг. Он очень обеспокоен вашим здоровьем.

Марта невольно улыбнулась, спросила значительно мягче:

– Отец уже встал?

– Господин Озолс еще затемно уехали.

– Как уехал? Куда?

– В поселок. Надо, говорит, до зимы дом поднять. – Илзе засмеялась. – Крепкий у вас отец – и в огне не горит.

Девушка встала с постели, принялась одеваться.

– Разрешите, я вам помогу, – подошла к ней горничная.

– Благодарю, но я привыкла сама. – Как назло, она никак не могла справиться с крючками и пуговицами. – Это отнесите в столовую, – показала она на поднос с едой. – Я сейчас спущусь.

Горничная подхватила поднос и уже с порога спросила:

– Завтрак господину Лосбергу отнесете вы?

Марта отвернулась к зеркалу, начала расчесываться.

– Да, я.

С подносом в руке она вошла в комнату Рихарда:

– Доброе утро! Ваш завтрак. Как вы себя чувствуете?

Лосберг лежал в постели с забинтованными руками и головой. Глаза, воспаленные и больные, смотрели на гостью с нескрываемым восхищением.

– Спасибо. В настоящую минуту прекрасно.

Она смутилась, поспешно перевела разговор на другое:

– Вы что, специально не принимаете лекарство? – Марта внимательно оглядела пузырьки. – Послушайте, господин Лосберг...

– Рихард, – тихо попросил он. – Вы же обещали...

– Ну хорошо, Рихард! – Девушка взяла с подноса тарелку с манной кашей, стала кормить его, как ребенка. – Так вот, поймите, Рихард, – вы ставите меня в крайне неловкое положение. Разве ваша горничная не может ухаживать за вами?

– Если вы... уйдете из Лосбери... я объявлю политическую голодовку. Никто не втолкнет в меня ни одной таблетки! Ни одной ложки этой омерзительной манной жижи.

Она невольно рассмеялась:

– Нет, я серьезно. Нам больше нельзя оставаться здесь – понимаете? Буду приходить, навещать... Но жить мне здесь больше нельзя. И так уже сплетни, пересуды... Вы же знаете, как у нас умеют...

– Какие сплетни? Как вам не стыдно! Будто люди не знают, при каких обстоятельствах вы оказались здесь. Люди... – Он скептически усмехнулся.

– Успокойтесь, – положила руку ему на плечо Марта. – Вам нельзя шевелиться.

– В самом деле, из каприза, что ли, я держу вас здесь? У вас дома нет – понятно? Нет дома. Сгорел! Куда вам с отцом деваться?

– Успокойтесь, или я сейчас же уйду.

Лосберг притих.

– Ну что вы всё – уйду, уйду... Неужели вам так плохо здесь?

Марта долго молчала.

– Нам здесь хорошо, Рихард, – наконец выдавила она. – Даже... чересчур... Вы обо мне слишком заботитесь. Я и без того многим вам обязана.

– Считайте, что это сделал кто-нибудь другой.

– Но сделали вы! – тихо возразила девушка.

– Ну, не знаю. Тогда считайте, что я слазил в то пекло с низменными, корыстными целями. Со злостным умыслом затащить вас сюда.

Она рассмеялась.

– Что вы смеетесь? Это и есть настоящая, чистейшая правда. Хотите – давайте устроим тут небольшой пожар, и я повторю тот же номер на бис. Специально для вас. Чтобы вы остались здесь, в Лосбери. – Рихард выдержал паузу и закончил шутовским фальцетом: – Подольше!

Марта, нахмурившись, поднялась.

– Вы нарушаете уговор, Рихард.

– Почему нарушаю? – попытался отшутиться он. – Я же не сказал «навсегда», а только «подольше». По всем законам гостеприимства.

– Знаете, на кого вы сейчас похожи? В этих своих белых доспехах? – задумчиво перебила его Марта. – На рыцаря... Из легенды. Белый рыцарь! Так будьте же им до конца. И не смотрите на меня так. Пожалуйста...

– «Мой глаз и сердце издавна в борьбе... – вздохнул Лосберг. – Они тебя не могут поделить».

– Рихард! – запротестовала она. – Вы опять...

– Да не Рихард – Вильям... Шекспир... Ему-то можно, надеюсь? «Мой глаз твой образ требует себе, а сердце в сердце хочет утаить. Трудрами изнурен, хочу уснуть... Блаженный отдых обрести в постели... Но только лягу – вновь пускаюсь в путь... в своих мечтах – к одной и той же цели...»

Марта отошла к распахнутому окну, зачарованно вслушиваясь в музыку бессмертных строф, – они плыли над вершинами сосен, над медленными стаями облаков, над сияющей вдали полоской моря и будто вдыхали горячую, трепетную душу в этот необъятный простор...

– Любовь – недуг, моя душа больна
Томительной, неутолимой жаждой,
Того же яда требует она,
Который отравил ее однажды.
Мой разум – врач, любовь мою лечил,
Она отвергла травы и коренья.
И бедный лекарь выбился из сил
И нас покинул, потеряв терпенье.

Стихи текли и текли... Одурманивали, заволаживали тонкой, лукавой, таинственной прелестью. Страхнув оцепенение, Марта тихонько, неслышно ступая, вышла из комнаты.

Под вечер Озолс подкатил в своей повозке к подъезду Лосбери и, махнув Петерису, заковылял по дорожке к дому. Еще весь в бинтах и наклейках, с палочкой в руке, он все же возвращался бодро, хорошо потрудившись за день. Как бы там ни было, а худа без добра не бывает. Может, и неспроста судьба привела его с дочерью в этот шикарный господский дом? Он остановился было перевести дух и полюбоваться розами – они росли здесь повсюду, – как вдруг заметил вышедшую на крыльцо Марту. У дочери в руках был небольшой чемоданчик.

– Ты что это? – удивленно спросил он. – Куда собралась на ночь глядя?

– В поселок. Ты Петериса отпустил?

– Отпустил. Ну а все-таки? Разве завтра нельзя съездить?

– Нет, я пойду сейчас, – тихо сказала она.

– Да что случилось? – заволновался Озолс. – Объясни толком.

– Так... Ничего... Просто я не могу здесь больше оставаться.

– Тебя обидел кто-то? – понизил голос отец. – Ты скажи – я должен знать.

– Нет-нет, – поспешно возразила она. – Пожалуйста, не волнуйся. Никто и не думал меня обижать. Наоборот... только я пока поживу у Бируты.

– Ничего не понимаю, – нахмурился Озолс. – Никто не обижал, а уходишь. Ты хоть подумала – хорошо ли это? По отношению к господину Лосбергу.

– Подумала, папа. Потому и ухожу. Не хочу, чтобы о нас с ним болтали разное...

– Не хочешь! – укорил отец. – Болтовни боишься? А человек огня не испугался. Эх ты! – Он забрал у дочери чемоданчик. – Пошли!

Но Марта не двинулась с места.

– Я и без вещей уйду.

– Уходи! – Озолс бросил чемоданчик на траву. – Ты сбежишь, а мне куда? Тоже бежать? Христа ради к людям проситься? Обо мне ты хоть подумала?

Марта в нерешительности молчала.

– Дождись, по крайней мере, пока он на ноги встанет, – испуганно оглядываясь на окна, торопливо добавил Озолс. – А я тем временем, глядишь, под крышу заберусь.

– Хорошо, – согласилась Марта. – Я останусь. Пока не снимут бинты. Но больше – ни дня!

Дверь в комнату Рихарда была открыта, Озолс заглянул. Лосберг, выпростав из-под одеяла забинтованные руки, медленно разгибал и сгибал пальцы.

– О, господин Лосберг, вы уже совсем молодцом!

Стараясь не стучать протезом, Озолс вошел в комнату, почтительно присел на краешек стула рядом с кроватью.

– У меня нынче тоже удачный день, – похвалился он. – С плотниками поладил, обещают до зимы под крышу подвести.

– Что-то вы рано расхрабрились. Побереглись бы, – заботливо заметил Рихард.

– Я-то что... Вот вам досталось. Беда... – А мне – только трубку пришлось выкинуть. Дыму наглотался на всю жизнь. Надо спешить. И так стесняем вас – неудобно.

– О чем вы говорите? Ваша дочь лечит меня лучше всяких врачей.

Озолс удовлетворенно хмыкнул, не спеша извлек из кармана лист бумаги.

– Вот, была страховая комиссия. Так ничего и не установила. А в поселке думают, что это поджог.

Рихард удивленно посмотрел на старика.

– А что, разве сложно? Подкинул паклю на чердак – и все. Тлеет себе помаленьку, а сам уже далеко. И концы в воду.

Лосберг задумчиво прищурился, словно не решаясь разгадать намек.

– Кому вы помешали?

– Да, видно, уж помешал. Рассчитался кто-то сполна.

Рихард долго молчал, затем многозначительно проговорил:

– Может, вы и правы. В душе человеческой есть очень глубокие тайники.

Поздно вечером Зента, управившись с делами, сидела на кухне. В очках, в наброшенном на плечи теплом платке, она склонилась над Библией, шепотом повторяя сотни раз читанные строки. В окно стучал дождь, шумел, гулял, неистовствовал ветер. В доме было тепло, потрескивал огонь в плите. Зента так увлеклась, что не слышала, как открылась дверь. Остановившись на пороге, Артур – в мокром брезентовом дождевике, с чемоданчиком, – улыбаясь, смотрел на мать. На лучики морщин вокруг глаз, на рано побелевшие волосы, на загрубевшие в работе пальцы, бережно листающие пожелтевшие страницы. Подошел, осторожно обнял ее за плечи.

– Сынок! Наконец-то... – Она вскочила, радостно захлопотала. – Раздевайся, ты же совсем мокрый. А я как знала: картошки наварила, рыбы нажарила.

– Хорошо! – Артур блаженно потер над огнем руки. – Хорошо все-таки дома.

– Конечно, хорошо, – согласилась мать. – Пивца свежего выпьешь?

– Да уж налей. – Жестом фокусника он достал из чемоданчика новенькие пивные кружки – расписанные, сверкающие глазурью, – поставил их на стол.

– Ой, какие славные! – обрадовалась Зента. – Заработок-то не весь потратил?

Парень не ответил, вновь склонился над чемоданчиком.

– А это тебе, – в руках у Артура была добротная шерстяная кофта.

– Ну зачем ты?.. – укоризненно проговорила мать. А руки невольно потянулись к подарку, глаза засветились радостью.

– Носи на здоровье, теплая. – Скрывая смущение, он бодро принялся за еду. – Ну, какие новости? Ты не болела тут?

– Некогда болеть, сынок. Я ведь теперь в копильне работаю.

Артур удивленно опустил ложку.

– Ну? Открыли все-таки?

– Там и Айна, и Магда... Да чуть ли не все наши женщины.

– Как платят?

– Очень даже неплохо.

– Я видел, Озолс уже дом налаживает? – как бы невзначай поинтересовался сын.

– Кремень-человек, – уважительно ответила Зента. – Из такой передраги вышел – и на ногах.

– А где они живут?

– Все там же, в Лосбери, – помедлив, ответила мать.

Артур отодвинул тарелку. Спросил, стараясь казаться спокойным:

– Что... и Марта? До сих пор там?

– Ну а где же им еще быть? – мягко возразила она. – Господин Лосберг, говорят, еще в постели. Как же ей за ним не поухаживать? Сам подумай. Нищими остались бы, если бы не он.

Артур поднялся из-за стола, походил по комнате, взял фуражку.

– Я пойду, мама.

– Куда?

– К Рихарду.

– К Рихарду?

– Надо пойти навестить, – отводя глаза, пробормотал он. – Все же неудобно.

Зента недовольно качнула головой, стала собирать посуду.

– Что я могу? – с горечью сказала она. – Был бы отец – не пустил бы. А я... – и вдруг попросила: – Не ходил бы ты, сынок, не унижался...

Он думал долго, тяжело. Все же упрямо сказал:

– Пойду!

Выйдя из дома, Артур решительно двинулся было в сторону Лосбери, но, не пройдя и сотни метров, неожиданно сбавил темп – сомнения, по всей видимости, тревожили его душу. Он низко опустил голову, вглядываясь себе под ноги, словно там была не твердая земля, а зыбкое болото и каждый неосторожный шаг мог оказаться гибельным. Именно в этот момент его заприметила Бирута.

– Артур! – окликнула она. Девушка возвращалась, видать, откуда-то издалека – ее туфли были основательно покрыты пылью. – Вы когда вернулись? Только что? А где же мой? Небось, в трактир завалился?

Артур невольно залюбовался ею: в простой крестьянской одежде, с ярким румянцем на тугих щеках, Бирута была мила и женственна. И еще подумалось, что Лаймону с такой девушкой, наверное, значительно проще.

– Как же – в трактире... Прямо из лодки, в обнимку с будущим тестем...

Румянец на щеках девушки стал еще ярче.

– А ты туда? – показала она взглядом в сторону Лосбери. – Ох, и скучала она здесь без тебя – все уши мне прожужжала.

– И все обо мне? – с горькой усмешкой спросил он. – А может, еще о ком?

– Не глупи! – рассердилась Бирута. – Поменьше сплетни слушай. У нас тут наболтают с три короба...

– Уже болтают? – насторожился Артур. – О чем?

– Вот мужики! – фыркнула Бирута. – И Лаймон такой же вредный. Попробуй станцуй с другим хоть разок – башку нагнет, что твой бык, глазищи выпучит – и в драку. – Девушка сменила тон и назидательно заключила: – Ты не суши голову дурью. Иди к ней разберись, не маленькие.

Море было по-осеннему хмурым. Дул резкий ветер, грозно шумел вершинами сосен. Над дюнами с криками носились чайки, Марта и Артур медленно, молча шли по берегу. Потом он сказал, видимо продолжая начатый разговор:

– Скажи отцу, что я помогу с домом... Если, конечно, он захочет.

– Спасибо, Артур.

Они прошли еще несколько шагов молча.

– Как теперь с университетом будет? – спросил он. – Тоже погорел?

– Вот именно, погорел, – невесело усмехнулась Марта. – Не брошу же я отца.

– Значит, так и будете у Рихарда жить?

– А где же еще? Ему сейчас тоже помочь надо.

– Да, конечно... – как-то сдавленно сказал Артур. И вдруг остановился, порывисто обнял ее. – Я люблю тебя! Слышишь? Ты моя жена! Ты сама захотела ею стать. И я не могу... понимаешь? Не хочу, чтобы ты жила в чужом доме. Рядом с ним.

– Артур, глупенький... Пойми – я не могу сейчас уйти. Это крайне непорядочно. Я должна остаться, пока не снимут бинты. Это мой долг.

– А если их еще год не снимут? – невольно вырвалось у него.

– Я останусь, пока не снимут бинты, – твердо повторила Марта. – Если ты считаешь меня женой, зачем же обижаешь ревностью? Почему требуешь, чтобы я платила неблагодарностью человеку, который спас моего отца? И для тебя сделал не так уж мало.

– Конечно... – неуверенно протянул он.

Девушка сочувственно посмотрела на него, быстро наклонилась, звонко чмокнула в щеку:

- Ладно, мне пора.
- Уже уходишь? – Артур взял ее руку, сжал в ладонях.
- Надо.
- Вечером встретимся?
- Конечно.

Артур обнял ее, с пытливым тревогой долго смотрел прямо в глаза. И, не поцеловав, отпустил.

Марта читала в своей комнате, когда раздался негромкий стук в дверь.

– Разрешите?

Она подняла голову и, к своему удивлению, увидела на пороге Рихарда. Он был в элегантном, сшитом по последней моде костюме, который все же не слишком украшал его – бледного, осунувшегося, с лицом, покрытым едва затянувшимися шрамами.

– Ну, как я вам нравлюсь? – нарочито бодро спросил он.

– Зачем вы встали?

Лосберг криво усмехнулся:

– Вероятно, чтобы освободить вас от добровольного заключения.

– Рихард, ну зачем вы так...

– Бросьте... Я же вижу – вы рветесь отсюда, как птица из клетки. И даже ухитрюсь не обижаться. Но вы не ответили на мой вопрос – как я вам нравлюсь?

Она отложила книгу, натянуто улыбнулась:

– По-моему, все в порядке. Вам даже к лицу эти шрамы.

– Ну разумеется. – Он подошел к зеркалу, с отвращением разглядывая себя. – Шрамы украшают мужчину. Посуда бьется к счастью... Какой только ереси не напридумывали себе люди в утешение! – Заметив лежавший на подзеркальнике большой кусок янтаря, взял его и восхищенно сказал: – Какой редкой красоты камень. Откуда он у вас?

– Подарок.

Рихард взглянул на нее, потом снова поднес янтарь к глазам, рассматривая мошек, замерших навеки в прозрачном заточении. И сказал задумчиво:

– Да, все мы, как эти мошки в янтаре... Замурованы – каждый в своей судьбе. А что, если попробовать вырваться? Взять и сломать эту красивую прозрачную гробницу.

Марта внимательно взглянула на него:

– Не надо ничего ломать, – и отобрала у Рихарда камень.

Он понимающе усмехнулся:

– Вы всегда как будто насторожены со мной. И холодны, как айсберг. А я, кажется, придумал, как вас слегка растопить. У вас есть немного времени?

Марта замялась, взглянула на часы:

– Откровенно говоря, совсем немного.

– Подарите мне это «немного».

Красное авто промчалось по живописной лесной дороге, и вскоре они сидели на веранде уютного, пустынного в этот час загородного ресторанчика. Веранда висела над гладью озера, над самой водой. К перилам подплывали лебеди, Марта просовывала им сквозь решетку кусочки хлеба.

– Видит бог, меня так и подмывает прыгнуть туда, чтобы получить свой кусочек счастья. – Лосберг налил в свою рюмку коньяку.

– Рихард! – укоризненно сказала она. – Вы же обещали...

– Умоляю, не портите нашу последнюю встречу, – полушутя-полусерьезно ответил он.

– Вы просто сумасшедший. Для чего я вас лечила?

– А для чего лечат осужденного на смерть? Для того, чтобы привести приговор в исполнение. Я поднимаю этот бокал за вас, Марта! За мою чудесную исцелительницу. Кстати, почему бы вам не перевестись на медицинский факультет? Пока не поздно. У вас определенно талант...

– Рихард, а какой факультет закончили вы?

– Философский, – почему-то ожесточаясь, буркнул он и выпил коньяк. От нее не ускользнула перемена в его настроении.

– И какую же наивысшую истину вы постигли на своем философском?

Он на секунду задумался, вновь наполнил рюмку.

– Рихард!

– Вы напрасно беспокоитесь, я не рассыплюсь из-за этой капли. Истину? Пожалуй, самую важную. Каждое утро напоминай себе: перед тобой вся жизнь – целый день. Проведи его как следует, – он перехватил ее насмешливый взгляд, насупившись, добавил: – И еще: в этом мире справедлив не тот, кто прав, а тот, кто может утвердить свою правоту.

– То есть сила – это и есть наивысшая истина?

– А вы видели когда-нибудь, чтобы побеждал слабый? Впрочем, есть одна слабость, перед которой беспомощна любая сила. – Рихард многозначительно усмехнулся. – Но это уже из другой области. За вас, Марта!

Она зябко повела плечами, откровенно посмотрела на часы.

– Бойтесь опоздать? – Лосберг заметно пьянел. Его лицо побледнело, лоб покрыла легкая испарина.

– Ну вот, – досадливо проговорила девушка. – Я так и знала. И вы еще собираетесь вести машину?

Он попытался отшутиться:

– «Джигиту лишь бы ногу в стремя...»

– Ай, бросьте! – Марта решительно поднялась, – Предупреждала же...

– Да, кажется, я немножечко того... – виновато забубнил он. – Слишком много впечатлений сразу.

Марта немного смягчилась, проговорила миролюбивей:

– Что же нам делать?

– Что? – Озорная искра промелькнула в его глазах. – А почему бы вам самой не сесть за руль?

– Вы с ума сошли!

– Ничуть. Через десять минут будете водить машину, как заправский шофер.

... – Еду! – в азарте крикнула Марта, намертво вцепившись пальцами в рулевое колесо.

– Конечно, едете, – улыбнулся Рихард, придерживая баранку правой рукой.

Другую руку он положил на спинку водительского сиденья и слегка придерживал девушку за плечи. Но Марта ничего не замечала – устремив перед собой безумный от счастья взгляд автомобильного неопита, она восторженно крутила руль. Машина медленно виляла по проселочной дороге, надсадно ревя двигателем.

– А теперь попробуйте выжать сцепление и переключить на вторую скорость... Вот сюда рычаг.

– Страшно...

– Ничего, решайтесь, – он положил свою руку на ее кисть. – Ну!..

Марта попробовала.

– Ага, получилось!

– Вы прирожденный шофер, – поморщившись, как от зубной боли, похвалил Лосберг. – Теперь газу добавьте.

Машина прыгнула, как лягушка, и покатила быстрее. Это вызвало новую бурю восторга. И вдруг девушка взвизгнула от страха – на дорогу, прямо перед машиной, выскочила корова.

– Тормоз! – крикнул Лосберг, перехватывая у Марты руль. – Жмите на тормоз! Отпустите руль!

Но Марта совсем растерялась и еще крепче вцепилась в баранку, мешая Рихарду объехать бестолково мечущееся животное. Потом их тряхнуло – в последний момент Лосбергу все же удалось резко вывернуть руль вправо – машина нырнула в кювет и с силой ткнулась в стоящее на обочине дерево. Мотор заглох. В наступившей тишине откуда-то сзади донеслось насмешливо-недоуменное мычание коровы.

Уже стемнело, когда Рихард, перемазанный до бровей, с безнадежным видом захлопнул капот.

– Вы очень на меня сердитесь? – виновато спросила Марта.

– Очень. Только не на вас, а на ту рогатую скотину. По-моему, это все-таки был черт. – Рихард обтер руки платком. – Побудьте здесь, а я сбегаю на шоссе, попробую поймать какую-нибудь машину.

– Может... нам пешком? – неуверенно предложила она.

– Двадцать километров? Как раз к утру будем дома. Ждите меня здесь, а если нападут разбойники или корова, сигнальте.

Марта вяло улыбнулась и осталась ждать. Вдруг ей на руку упала капля – начинал накрапывать дождь.

Артур ждал ее возле старой мельницы. Уже совсем стемнело. Но он все еще не хотел верить в то, что она не придет. Мерил и мерил шагами пустырь, заросший травой.

Дождь остервенело барабанил по крыше машины, хлестал по стеклам.

– Ну вот... Теперь вы меня проклинаете, – удрученно пробормотал Рихард. – Я вас травил...

– За что мне вас проклинять... Сама виновата.

– Ладно уж, не казните. Кто знал, что так все обернется? Как назло – ни машины, ни подводы...

Она тоскливо прислушивалась к шуму ночного ливня – он хлестал все сильнее.

– У вас, наверное, свидание? – сочувственно спросил Рихард. – Я вас здорово подвел. Но действительно – ни одной живой души.

Марта промолчала.

– Холодно, – поежился он и достал откуда-то плоскую флягу. – Не хотите глоток? Это ром.

– Нет, спасибо.

Лосберг отвинтил пробку, глотнул и тут же спохватился.

– Господи, какой же я осел! – Он стянул с себя пиджак, накинул его на Марту. – Надевайте в рукава.

– Да не нужно... – Ее начинала раздражать нелепость положения.

– Надевайте, надевайте, у вас уже зубы стучат. Или вы нервничаете?

Она снова не ответила.

– Слушайте, а что вы, собственно, так переживаете? Я понимаю, конечно, неприятно, но... В общем-то – ничего ужасного. Не встретились сегодня – встретитесь завтра. Или послезавтра. Может, все-таки глотнете капельку? – Он снова достал фляжку.

– По-моему, и вам достаточно, – сухо заметила она.

– А кто знает... – На этот раз он влил в себя порядочную порцию. – Кто знает, может, это сама судьба распорядилась? А? Увела вас с одного свидания и... привела на другое. Чертовский холод! Откуда таким льдом веет? – А-а, понимаю – айсберг! Послушайте, айсберг, а вы не схватите воспаление легких? Давайте хоть как-нибудь греться.

– Отодвиньтесь сейчас же! – рассердилась Марта. – Вы что, совсем ошалели от своего рома?

– Я давно ошалел, Марта... – Теряя голову от ее близости, глухо заговорил он.

– Отодвиньтесь или я выйду!

– Марта!.. – Не в силах больше сдержаться, Рихард обнял ее за плечи, рывком притянул к себе. Несколько секунд шла молчаливая борьба. Наконец девушка вырвалась и, влепив ему пощечину, распахнула дверцу, выскочила из машины. Лосберг бросился следом. Но пока обегал автомобиль, споткнулся, упал, потерял ее из виду.

– Марта! – кричал он в отчаянии, шлепая по грязи и лужам. – Ма-арта! Остановитесь!

Она стояла, прижавшись к дереву, затравленно дрожа. И когда он, крича и размахивая руками, тяжело протопал мимо, рванулась с места и изо всех сил бросилась бежать в противоположную сторону. Сквозь лес, сквозь ливень, сквозь тьму...

Озол спозаранку хозяйничал на своем подворье! Ночной дождь наполнил воздух сочной влагой и терпким запахом разнотравья! Блестели в лучах раннего солнца лужи. Мимо прошло стадо, подгоняемое пастухом. В ожидании плотников Якоб тесал топором бревно. Дом потихоньку отстраивался – плотники собрали сруб, над стенами уже поднялись свежетесанные стропила.

Эрна молча поставила на верстак перед хозяином кружку с молоком, положила рядом кусок хлеба с жареным салом. Отложив топор, хозяин принялся за еду. Спросил как бы между прочим:

– На сеновале ночуешь? Не холодно одной?

– Тебе-то что? – нервно встрепенулась она. – Петериса нарочно в город услал?

Озол неловко усмехнулся:

– Почему нарочно? Гвоздей же нет. А без гвоздя – какая работа?

Эрна забрала пустую кружку:

– Хватит, Якоб. Побаловались, и довольно! Как бы беды не накликасть. Коту забава – мышам слезы.

Она пошла. Озол озадаченно посмотрел ей вслед, снова принялся было тесать бревно, но в это время за его спиной хлопнула калитка. Он обернулся да так и замер с топором в руках. Перед ним стояла Марта. Насквозь промокшая, в изодранном, заляпанном грязью платье, изнемогающая от усталости.

– Ты? – изумленно пробормотал отец. – Где ты была?

– Потом, папа. Я очень устала.

Он заметил пиджак Лосберга, и страшная догадка промелькнула в его глазах.

– Ты была с Рихардом?

Девушка только сейчас вспомнила об этом проклятом пиджаке. Брезгливо оглядела себя и крикнула, выплескивая накопившуюся ярость и отчаяние:

– Да! С Рихардом! Всю ночь!.. Теперь доволен? Ты же мечтал об этом. Не так ли?

И вдруг замолчала на полуслове, испуганно отшатнулась – в трех шагах от нее стоял Артур. Почерневший, измученный ожиданием, сжигаемый ревностью, он стоял посреди двора, ошеломленный ее растерзанным видом, ее чудовищным признанием. Сплетни, подозрения, догадки – все это вдруг приобрело реальные очертания, дохнуло на него зловещим

смыслом. Он медленно повернулся и, тяжело ступая в своих рыбацких сапожищах, пошел обратно к калитке.

– Артур! – Марта бросилась к нему наперерез, загородив дорогу. Сказала неожиданно тихо: – Я тебе все объясню.

Только мгновение он смотрел в ее полные отчаяния и мольбы глаза. Кровь прихлынула к голове, и он не сдержался – ударил ее по щеке. Ударил хлестко, наотмашь, вложив в эту пощечину всю свою боль и презрение.

– Ты что делаешь, сволочь? – подскочил к нему Озолс. – На кого руку поднял, бандит? – И в бешенстве замахнулся топором.

Артур успел перехватить руку, вырвал топор и с силой отшвырнул Озолса. Тот мешком отлетел к верстаку, неуклюже повалился на спину. На ободранной щеке выступила кровь. Артур постоял секунду, потом, стряхнув оторопь, бросил топор и, круто повернувшись, зашагал прочь со двора.

– Ну, спасибо, доченька... Уважила родителя. – Якоб с трудом поднялся на ноги, прижал к щеке ладонь, пытаясь унять кровь.

Марта, потрясенная, молчала, глядя на плачущего отца. Всхлипывая и сморкаясь в фартук, выскочила на шум Эрна. В этот момент у калитки затормозил автомобиль, во двор вбежал взволнованный Рихард.

– Марта, господи! Слава богу, вы целы. Я чуть с ума не сошел, все побережье объездил. – Он замолчал, заметив окровавленного Якоба. – Что с вами, господин Озолс? Что произошло?

– Нет уж, господин Лосберг, – гневно ответил старик. – Это вы должны объяснить, что произошло.

– Ничего особенного, – смущенно пробормотал Рихард. – Ездили прогуляться, застряли в лесу...

– Прогуляться... Застряли... – Озолса потрясла невиданная наглость Лосберга. – Почему же Марта прибежала одна, словно за ней гнались? И этот пиджак... Вы мне голову не морочьте. Знаем мы эти ночные прогулки...

– Уверю вас, ничего дурного. Нелепый случай... Мы сейчас поедem домой, и я вам все объясню.

– К вам в дом? – взорвался Озолс. – В качестве кого, позвольте узнать?

Рихард побледнел, прижал обожженную руку к груди:

– Ваша дочь, – хрипло проговорил он, – может войти в мой дом кем захочет. Даже хозяйкой. Я готов повторить это где угодно и официально просить ее руки.

Артур и Лаймон в брезентовых робах и свитерах сидели в дальнем углу трактира. У грубых дощатых столов в этот ранний час никого не было. За оцинкованной стойкой под литографией, изображавшей застигнутый бурей корабль, дремал Аболтиньш.

– Да выпей ты! – уговаривал Лаймон. Артур молча крутнул головой – перед ним стояли нетронутые кружка пива и стаканчик водки.

– На тебя посмотришь – будто конец света настал. Подумаешь, сегодня поссорились – завтра помирились...

– Нет, Лаймон, это все.

– Что все, что все? Будь же ты мужчиной, в конце концов! Встряхнись и пойдем домой.

– Никуда я не пойду.

– Не дури, – Лаймон поднял приятеля со стула.

Банга качнулся, словно пьяный, посмотрел перед собой пустым, ничего не выражающим взглядом, потянулся было за водкой, но в последний момент передумал, безнадежно махнул рукой:

– Ладно, пошли...

У самого входа они едва не столкнулись с торопливо вбежавшей Бирутой.

– Весь поселок обыскала, – бросилась она к Артуру. – Давай быстрее!

– Что случилось? – насторожился Лаймон.

– Марта сидит у меня.

Короткая судорога пробежала по лицу Банги, бешенство плеснулось в его глазах.

– Передай своей подруге... – Он не договорил, схватил со стола фуражку и стремительно выскочил на крыльцо.

Именно здесь, словно из-под земли, перед ним вырос Бруно. Двое других айзсаргов стояли поодаль.

– Что там у вас с Озолсом вышло? Ты можешь мне объяснить?

– Тебе-то какое дело? – Тон не предвещал ничего хорошего. – Ты что, полицейский?

– Я айзсарг. Порядок в поселке мне не безразличен.

– Слушай, Бруно, – угрюмо вмешался Лаймон. – А нельзя ли потом? Ты же видишь, что он не в себе.

– Отстань, – надменно возразил Бруно. – Еще раз повторяю – порядок в поселке...

– А не пошел бы ты со своим порядком? Вырядился, как индюк... – зло выплюнул Артур.

– Ах, вот как? Оскорбление мундира! Теперь ты пойдешь со мной, – он схватил Бангу за руку, тот вырвался, свирепея:

– Убери лапу!

На помощь Бруно подскочили Зигис и Волдис.

– Да оставьте вы его, чего привязались? – Лаймон преградил им путь. – А ну, полегче!

Айзсарги с двух сторон навалились на Артура. Тот, рванувшись, стряхнул их, но это лишь раззадорило парней – они, словно бульдоги, вцепились в свою жертву. Бруно попытался ударить рыбака сапогом в живот, но тот вовремя увернулся, затем, изловчившись, тяжким, как молот, кулаком сбил айзсарга с ног. Лаймон кинулся в гущу драки. Но Бирута намертво вцепилась в его робу, повисла на ней.

– Пусти! Да пусти же! – Калниньш с силой оттолкнул девушку, бросаясь на помощь другу.

На крыльцо выскочил испуганный Аболтиниш:

– Зигис, отойди! Зигис, не лезь!

Трактирщика никто не слушал – возле крыльца надсадно сопел, плевался бранью и кровью яростный клубок человеческих тел. Артур в бешенстве молотил кулаками наседавших на него айзсаргов, давая выход ярости и отчаянию, накопившимся в его душе. Не уступал ему и Лаймон – он бросался от одного к другому и бил, бил, бил, словно задался целью размолоть противников в порошок.

– Господи, горе мое! – всхлипывала Зента, бинтуя Артура. Тот сидел посреди комнаты на табуретке. – Как еще голову не снесли твою глупую? Куда ты теперь такой? Как на люди покажешься?

Вид у парня был плачевный – глаз заплаыл синяком, на скуле кровь, вокруг разбросаны окровавленные полотенца, вата. Заметила, что Артур скривился, проговорила испуганно:

– Больно, сынок? Потерпи. Сейчас кровь обмою – и все...

Мать схватила таз, выскочила на кухню, плеснула воды из ведра и застыла в гневном изумлении, увидев в дверях Марту.

– Что вам здесь нужно? – холодно спросила Зента.

– Что с ним?

– Насмерть пока не убили, – съязвила Зента. – Поучили для начала, чтоб к чужим невестам не лез.

– Что за глупости! – возмутилась Марта. – Вы же ничего не знаете.

– А что тут знать?.. – Зента возмущенно тряхнула головой. – Сколько же бесстыдства в людях! Делайте себе что хотите. Но зачем мальчику голову морочите? Если совести нет, хотя бы жалость какую поимели. Да как вы только порог переступили?

– Я смею... – с трудом решившись на признание, начала Марта, – потому что я... – Она запнулась, подняла голову – в дверях стоял Артур. – Боже! – В отчаянии подняла руку. – Что они с тобой сделали?

Ни один мускул не дрогнул на лице парня. Марта рванулась было в его сторону, но, встретив пустой, безразличный взгляд, подавленно остановилась.

– Скажи матери, Артур... – едва слышно проговорила она. – Скажи ей все. Она должна знать.

Он угрюмо молчал.

– Не хочешь? Ну тогда я скажу. – Марта обернулась к Зенте. – Я... жена вашего сына. Женщине, по всей видимости, показалось, что она ослышалась.

– Что? – Мать беспомощно посмотрела на Артура. – Да что ж это такое, сынок?

Марта со страхом и надеждой ждала ответа.

Любовь, ненависть, ревность – все кипело, боролось в нем, рвалось наружу едкими, прожигающими до самого сердца упреками, но сказал он только одно:

– Не жена ты мне, уходи.

– Артур! – в отчаянии метнулась к нему Марта. – Что ты делаешь? Опомнись! – Девушка с мольбой заглянула ему в глаза.

Но он повторил упрямо:

– Иди, откуда пришла. Обойдемся без барских объедков. – И захлопнул за нею дверь.

Банга стоял, прижавшись лбом к стеклу и смотрел, как уходила Марта. Был момент, когда казалось, что он бросится ей вслед, остановит, но проходили секунды, а Артур все не двигался с места.

Девушка шла медленно, с трудом ступая по колеблющейся под ногами земле, ничего не видя, ничего не слыша. Зябли в вечернем сумраке голые ветви деревьев. Пусто, по-осеннему неприятно глядело подворье Озолса. Сквозь незакрытые стропила крыши холодно поблескивало небо – такое же зловещее и бескрайнее, как море за серой грядой дюн. Именно туда шла Марта. К старому, доброму карбасу, единственному существу на свете, которому она могла сейчас доверить свою душу и сердце.

В кабинете Рихарда горел свет. Он сидел у стола, разбирая бумаги. Услышав стремительные шаги, вскинул голову и замер – перед ним стояла Марта. Лицо ее было безжизненно бледным, словно гипсовая маска.

– Я согласна, – не разжимая губ, мертвым голосом произнесла она и замолчала, будто забыв, зачем пришла сюда.

Рихард поднялся, шагнул к ней, взял за руку:

– Что с вами? Вам нездоровится?

– Слышите, Рихард? – упрямо, почти зло повторила она. – Я согласна... стать вашей женой. Или, может быть, вы передумали?

Кровь бросилась Лосбергу в лицо. Он ответил, едва сдерживая волнение:

– Вы так противоречивы и стремительны в своих решениях, Марта... Позвольте, я вам отвечу тем же. Мы обвенчаемся сегодня же.

Он в упор взглянул на нее, увидел, как расширились, дрогнули ее зрачки, и повторил жестко:

– Или сегодня – или никогда.

... Темная громада церкви наполнялась светом. Служка проворно зажигал свечи. Из-за алтаря торопливо вышел пастор и с ходу начал читать молитву. Сзади шушукались свидетели – Аболтиньш с женой, горничная Лосберга, Эрна, рядом с нею, как всегда пьяненький, Петерис, несколько гостей из Риги, личные друзья Лосберга, рыбаки, среди которых был и Лаймон.

Сам Озол испуганно озирался по сторонам, то и дело поправляя на своей бычьей шее мешавший галстук.

– К чему такая спешка? – недоуменно вполголоса проговорил он. – Пожар, что ли?

Аболтиньш сочувственно посмотрел на обескураженного отца невесты, неопределенно пожал плечами: что, мол, поделаешь, барские причуды.

Лосберг, торжественно держа под руку бледную, обряженную в подвенечное платье Марту, нетерпеливо вслушивался в бормотание пастора, ожидая, когда тот доберется до сути дела. Наконец служка подал на подносике кольца.

– Венчается раб божий Рихард... чается раба божия Марта... – возвестил пастор.

Марта, как во сне, протянула руку, пальцы ее дрожали, и Рихард долго не мог надеть ей кольцо.

– Поцелуйтесь, дети мои, и да благословит вас Господь! – услышала она голос пастора и совсем близко увидела расплывающееся лицо Рихарда, его вытянутые для поцелуя губы.

Все вдруг поплыло перед нею – лицо жениха, пастор, темные лики святых, мерцание свечей... Закружилось – сначала медленно, потом все быстрее... И превратилось в бешеную круговерть.

Артур взволнованно шагал из угла в угол. Мать, перетирая посуду, с состраданием наблюдала за сыном.

– Чего теперь казнить? Выплеснутую воду не зачерпнешь.

Резко распахнув дверь, в комнату вбежал Лаймон.

– Ну и заварил ты кашу! Всякое видел, но такое...

Артур замер, с волнением вглядываясь в лицо друга.

– Представляете, тетя Зента, только им пастор кольца надел, только благословил, она – хлоп в обморок. Вообще-то, я вам скажу, молодой Лосберг похлеще папаши будет. У этого между пальцев не проскочит. Приволок пастора, обвенчался...

– Что с Мартой? – собрался с духом Артур.

– А бог ее знает. Шум, паника... Унесли без чувств.

Артур метнулся к вешалке, схватил фуражку:

– Где? Где она?

Лаймон решительно загородил ему дорогу;

– Ты что? Совсем спятил?

– Пусти!

– Мало ты дров наломал? Еще хочешь? Не пущу!..

К ним поспешила Зента:

– Сынок, одумайся! К чужой жене-то...

Артура словно ударили. Только сейчас до него дошел смысл материнских слов – он безучастно опустил на стул.

Банга сидел отрешенный и не догадывался, что судьба предназначала воздать ему в этот день полной мерой. Бывает с нею такое – расщедрится так уж расщедрится. Ему было невдомек, что по улице поселка к их дому уже ехала полицейская машина. Машина остановилась подле ворот. Двое дюжих парней в форме поднялись на крыльцо. Старший полицейский постучал, однако его не услышали. Постучал громче. Наконец дверь распахнулась –

на пороге появился высокий худощавый парень с удивительно синими, ярко-васильковыми глазами.

– Вам кого? – удивленно спросил Лаймон.

Полицейский смерил его оценивающим взглядом.

– Вы Артур Банга?

– Нет, а что?

– Кто из вас Артур Банга? – негромко, но весьма многозначительно спросил полицейский, входя в комнату.

Артур, не поднимаясь со стула, вяло ответил:

– Ну я.

– Вам придется поехать с нами.

Происходящее с трудом доходило до сознания Артура.

– Куда? – вяло и безразлично спросил он.

– В Ригу. Одевайтесь!

– А в чем дело? Можно узнать? – поспешил вмешаться Лаймон. Полицейский сухо ответил:

– Там объяснят. Наше дело доставить. Одевайтесь!

Возле дома уже толпился народ. Ворота были распахнуты настежь, посреди двора стояла полицейская машина, вокруг нее судачили, галдели люди.

– За что парня берете? – напирал на полицейского Калниньш.

Ему никто не ответил.

– Господин офицер, давайте по-хорошему, – рядом с Калниньшем вырос словно из-под земли Фрицис Спура.

– Что? – Взгляд полицейского беспокойно прошелся по толпе, брови устрасюще сбежались к переносице. – Угрожать?

– Никто вам не угрожает, – пояснил Калниньш. – Просто мы хотим знать, за что берете парня. Если из-за этих подонков... – Он презрительно ткнул пальцем в сторону стоявших неподалеку айзсаргов.

– Что-что? – насутился офицер. – Ты на что намекаешь? Тоже прокатиться захотелось? Можем и тебя за компанию прихватить.

– Можете, – буркнул Андрис. – Пока все можете.

– То-то. А ну отойди от машины! – неожиданно гаркнул полицейский и, воспользовавшись секундным замешательством рыбаков, с силой втолкнул Артура в кабину. Машина тронулась.

– Стойте! – вбегая во двор, бросился ей наперерез учитель Акменьлаукс. – Покажите ордер на арест.

– Извольте отойти! – не выходя из машины, приказал офицер.

Но Акменьлаукс не тронулся с места:

– У вас даже ордера нет! Это бесчинство, это нарушение закона. Кому-то понадобилось убирать парня... Мы требуем!..

Толпа недвусмысленно придвинулась к машине.

– Пошел! – встревоженно крикнул шоферу полицейский, и машина, рывкнув двигателем, рванулась вперед. Едва не сбив учителя с ног, она выскочила из ворот на улицу и помчалась в сторону Риги.

Глава 5

Длинный, богато убранный свадебный стол в доме Лосберга стоял нетронутым. Рихард, в торжественной черной паре, с белоснежной бабочкой, грустно оглядел шпалеры сверкающего хрусталя, серебра, фарфора, цветов в вазах и устало опустил на стул.

В мокрых плащах, ступая на цыпочках, в гостиную вошли Озолс и адвокат Крейзис. Озолс тяжело опустился в кресло, провел ладонью по лицу. Крейзис подошел к Рихарду, тихо спросил:

– Врач еще там?

Лосберг молча кивнул. Адвокат продолжал вполголоса:

– Не волнуйся... Гостей проводили... Ну, люди же понимают...

Якоб пробормотал:

– Какое несчастье... Боже! Спасибо вам, господин Крейзис... Вы так ловко обошлись с гостями...

Тот усмехнулся:

– Нам, адвокатам, за ловкость и платят.

Налил бокал, поднял.

– Извини, Рихард, может, я не совсем кстати, но все-таки... Горько! И прошу тебя: не хмурься. Ты же знаешь – после ночи приходит утро, после грозы обязательно светит солнце, – хотел еще что-то сказать, но в это время из комнаты Марты вышел врач. Осторожно прикрыв за собой дверь, заговорил вполголоса:

– К сожалению, ничего ободряющего. Тяжелейшее воспаление легких, осложненное нервной горячкой. Букет не из приятных. Что с ней произошло накануне? Нервничала? Переживала?

Лосберг переглянулся с Озолсом, ответил неохотно:

– Да нет. Ничего особенного.

Доктор искоса взглянул на него:

– Ну, нет так нет. Мы могли бы поговорить отдельно?

Крейзис предупредительно заторопился:

– Прости, Рихард, мне пора. Не раскисай, крепись – завтра обязательно загляну.

Врач и Рихард прошли в кабинет. Доктор взял со стола сигару, закурил.

– То, что я скажу, может быть, не совсем приятно, но как врач я обязан вам объяснить: подобным заболеваниям предшествуют сильные душевные потрясения. Здесь мы имеем дело с критической вспышкой – на грани невменяемости.

– Невменяемости? – ужаснулся Лосберг. – Значит, она вроде как не в себе?

– Не будем преувеличивать. Я сказал – на грани, – и, сглаживая резкость диагноза, пошутил: – В наш беспокойный век, знаете, мы все живем на грани.

Такое объяснение мало утешило хозяина дома. Он сосредоточенно думал о чем-то своем:

– Значит, она еще до того...

Врач сочувственно посмотрел на несчастного:

– Вас все-таки что-то тревожит?

Лосберг скривился как от боли, подошел вплотную к врачу, сказал горячным шепотом:

– Я бы вас очень просил... этот диагноз... – Он на секунду замялся, мучительно подыскивая слова, но врач сам пришел ему на помощь:

– Вы хотите, чтобы все это осталось между нами?

– Да! – выдохнул Рихард. – Я был бы вам очень признателен. Понимаете?..

– Понимаю, – предупреждаясь поднял руку доктор. – Ничего не надо объяснять. Вы друг господина Крейзиса, и этого достаточно. Обещаю, что все останется между нами. Но вместе с тем настоятельно рекомендую пригласить профессора Блюменталья. Необходима его консультация. И распорядитесь, чтобы в доме была абсолютная тишина. Полнейший покой.

– Блюменталь, Блюменталь... – что-то сосредоточенно вспоминал Рихард. – Позвольте, но ведь это, насколько мне известно, женский доктор?

– Да, – усмехнулся врач. – Это так же точно, как и то, что ваша жена – женщина. Видите ли... возможно, я ошибаюсь, но мне кажется – ваша жена беременна.

Лосберг побледнел:

– Что?

– Вот именно. Поэтому и надо посоветоваться со специалистом.

Рихард смотрел на доктора, с трудом воспринимая смысл его слов.

– Я, конечно, понимаю, но... – Сигара погасла, и врач обернулся в поисках спичек. Лосберг машинально достал коробок из кармана, чиркнул. Опомнился он лишь тогда, когда пламя обожгло пальцы.

– А, черт!.. – Рихард отдал коробок врачу. – Что же вы предлагаете?

– Прежде всего оградить ее от всякого рода волнений. – Он прикурил, выпустил клуб дыма, многозначительно посмотрел на Лосберга. – Я твердо обещаю, что и это останется между нами. Профессора Блюменталья я беру на себя.

Лосберг едва выдавил:

– Благодарю, вы очень любезны.

...Снова и снова бежала Марта по лесу – сквозь ливень, сквозь тьму. За ней гнался, ее настигал Рихард. Бросалась в сторону – навстречу выскакивал пастор. Озолс, Эрна, Петерис – все с воплями и гиканьем носились за ней, протягивали руки. Лица их странно искажались, глумливо скалились.

– Артур!.. Артур!.. – шептала она, разметавшись на подушках.

Потом вдруг вскрикнула отчаянно, вытянулась, затихла. Рихард отпрянул от постели, грубо схватил доктора за плечо:

– Что с ней?

– Господин Лосберг, вы мне мешаете, – врач нетерпеливо стряхнул его руку, взял шприц, опалил пламенем спиртовки иглу. – Я просил вас не входить...

Настольная лампа тускло освещала неприбранный кабинет, неподвижно сидящего за столом Рихарда, его мрачное, заросшее щетиной лицо. Вошла горничная, поставила поднос с кофе:

– Ваш завтрак, господин Лосберг.

– Завтрак? – Он с недоумением поднял воспаленные бессонницей глаза. – Почему завтрак?

Горничная подошла к окну, раскрыла плотные шторы. В комнату хлынул такой яркий свет, что Рихард невольно зажмурился. За окном было белым-бело – деревья, трава сверкали серебристо-снежным покровом.

– Снег? – удивился Лосберг.

– Это иней, он скоро растает, – ответила горничная. – На дворе еще тепло.

Рихард заметил, что прислуга смотрит на него как-то странно.

– Что-то случилось?

– Ваши волосы...

Он шагнул к зеркалу и отшатнулся – в его волосах таким же, как за окном, инеем пролегла седая прядь.

– Идите! – не оборачиваясь, приказал хозяин.

Едва горничная удалилась, как в кабинет вошел доктор.

– Прошу простить меня за недавнюю резкость, но, знаете, уж очень мы не любим, когда у нас мешаются под руками. Да еще в такие моменты.

Рихард молча, вопросительно смотрел на него.

– Кризис, слава богу, миновал. Вы разрешите? – Доктор взял со стола сигару, закурил. – Да, миновал... но положение еще весьма сложное. Тем более что профессор Блюменталь подтвердил мои опасения. Но не будем отчаиваться – все мы в божьих руках. Так что наберитесь терпения.

Врач вышел. Рихард в тяжелой задумчивости походил по кабинету, остановился у зеркала, еще раз взглянул на свое заросшее, почерневшее лицо, криво усмехнулся:

– Значит, говоришь, миновал? – И вдруг с такой яростью хватил кулаком по зеркалу, что стекло разлетелось вдребезги.

Следователь полистал лежавшую перед ним папку, устало провел ладонью по глазам, спросил сидевшего по другую сторону огромного стола Акменьлаукса:

– Так вы говорите – очень даровитый юноша?

– Удивительные способности, господин следователь, – горячо подтвердил учитель. – В физике, математике – особенно. Первым учеником закончил нашу школу. Блестяще занимался в морском училище.

– Похвально, похвально, – одобрил следователь, продолжая листать дело.

– Очень любознателен, много читает, трудолюбив. До этого печального инцидента ни в чем дурном не был замешан. Конечно, я его не оправдываю, он вел себя неразумно, но... если учесть его состояние, молодость, горячность... – Акменьлаукс достал бумагу, протянул следователю. – Вот тут прошение, подписанное почти всем поселком. За правдивость изложенных фактов ручаюсь честью.

Следователь бегло посмотрел прошение:

– Это весьма похвально, господин учитель, что вы принимаете близко к сердцу дела своих земляков. – Он откинулся на стуле, внимательно поглядел на Акменьлаукса. – Непохвально другое. Непохвально, что вы, человек, призванный воспитывать и наставлять добру и разуму, сами подаете своим ученикам дурные примеры.

– То есть? – нахмурился Акменьлаукс. – Я вас не понимаю...

– Очень жаль, – вздохнул следователь. – Во время ареста этого «даровитого» юноши вы попытались воспрепятствовать действиям полиции, подстрекали людей... Полицейские указывают на это в донесении.

– Но, позвольте, у них не было даже ордера на арест.

– А вы всегда справедливы по отношению к своим ученикам? Вы никогда не допускаете отдельных отклонений? – жестко перебил его следователь. – Но это еще не все. Затем в тот же день после отъезда полицейских вы устроили в поселке настоящий митинг.

– А, вон что, – усмехнулся Акменьлаукс. – У вас уже и на меня заведено досье. Только за то, что попросил своих же земляков написать это прошение.

Следователь насмешливо посмотрел в его сторону:

– Я понимаю, вам хотелось бы именно так истолковать дело. Но, по счастливой случайности, мы немножко в курсе и ваших поступков, и ваших взглядов. Вы довольно смело отклоняетесь от учебной программы, утвержденной министром. Допускаете любопытное толкование известных исторических событий.

– Я до сих пор наивно полагал, что вопросы преподавания находятся в компетенции министерства просвещения, а не полиции. Извините, если я ошибся.

– И очень жестоко ошиблись. Если министерство не может уследить за такими, как вы, то, поверьте, мы своих детей в обиду не дадим. Нам вовсе не безразлично, какими идеями вы их потчуете. Вам ли затевать хлопоты о «даровитых» юношах? Ступайте, господин учитель!

И мой вам добрый совет: будьте благоразумнее. А то как бы за вас самого не пришлось кому-нибудь хлопотать.

Он вошел к Марте – подтянутый, выбритый, улыбающийся. Но она этого не заметила. Обложенная со всех сторон подушками, Марта пристально разглядывала потолок.

– Доброе утро! – бодро сказал Рихард. – Ну, как самочувствие?

– Благодарю, мне лучше, – безучастно ответила Марта, продолжая изучать лепной плафон вокруг люстры. Голос у нее был слабый, чуть слышный. Лицо – как у восковой куклы. – Мы, кажется, поменялись ролями? Впрочем, я и тогда доставляла вам хлопоты...

Лосберг болезненно передернулся и обернулся, будто за ним стоял еще кто-то.

– Пустяки. Стоит ли говорить о таких мелочах?

– Ну как же? – вяло улыбнулась она. – А вдруг умерла бы под вашей крышей. Хороша гостя!

Рихарду стало не по себе при этом «вы», но он сдержался.

– Мы злоупотребляем вашим гостеприимством, господин Лосберг, – с виноватой улыбкой продолжала Марта. – Но я надеюсь, отец скоро закончит дом и тогда...

– Вам никуда не надо переезжать, – мягко сказал Рихард и взял ее руку. – Вы дома.

– Правда? Мы уже дома? – Она слегка приподняла голову, оглядываясь вокруг. И вдруг сдвинула брови, что-то с трудом припоминая. – Да, да, конечно... Я, кажется, перепутала... – Марта жестом попросила Лосберга нагнуться и едва слышным шепотом спросила: – Это правда, что я ваша жена?

– Да, Марта, – изо всех сил стараясь казаться спокойным, подтвердил он, – ты моя жена.

– Я твоя жена... – Она вдруг рванулась и села на постели – губы закусены до крови, в глазах отчаяние, схожее с безумием.

– Марта! – Рихард попытался уложить ее на место, но было поздно – она билась у него в руках, рыдания душили ее. – Доктор!

Врач вбежал в комнату.

– Я же просил вас!.. – Он бесцеремонно оттолкнул Лосберга и склонился над больной.

По железной, похожей на корабельный трап лестнице медленно спускался Артур, сзади гремел подковами конвоир. Он вел Бангу со второго этажа четвертого корпуса Центральной тюрьмы на допрос. Доставив арестованного в кабинет следователя, конвоир вышел – щелкнул замком запираемой двери.

– Садитесь, Банга! – мягким, усталым голосом пригласил следователь, перелистывая страницы в разложенной перед ним папке с делом.

Был он по-домашнему прост, грузен и совсем не страшен. Лысый, усталый, замороженный службой и семейными делами человек. Артур опустился на привинченный к полу табурет, ожидая вопросов. Он выглядел постаревшим на несколько лет. Но следователь будто забыл о нем, молча листал бумаги.

– Итак, Банга, вопрос все тот же, – наконец заговорил он. – Что вы передали в Риге продавцу газет в киоске у входа в Верманский парк двадцать третьего июля сего года?

– Я никому ничего не передавал. Только купил газету. «Спорт», кажется.

– Глупо, Банга. У нас же в руках факты. Продавец арестован, взят с поличным. Установлено, что он служил почтовым ящиком для нелегальщины.

– Но при чем тут я?

– Не торопитесь. Так когда вы покупали газету? Двадцать третьего? Прекрасно.

Следователь полистал папку, вынул из нее номер «Цини» со статьей, отчеркнутой красным карандашом.

– Ну вот... А тридцатого числа того же месяца в подпольной газете «Циня» появилась эта статья... Видите? – Следователь протянул Артуру газету.

Тот взял ее, но смог прочесть только заголовок – от волнения строчки прыгали перед глазами.

– Обычная красная демагогия об эксплуатации наших несчастных рыбаков, – продолжал следователь, забирая у него газету. – Но самое интересное – почти все факты взяты из жизни вашего поселка. Ну, что вы на это скажете?

– Откуда мне знать? Я ее не писал.

– Правильно, Банга. Это ваше первое правдивое слово. Писал-то другой, а вы... вы, может, и не знали, что он вам подсунул. Какую свинью подложил. И вы еще выгораживаете этого мерзавца.

– Уверю вас, господин следователь, вы ошибаетесь. Никто мне...

– Мы здесь не для того, чтобы ошибаться. В конце концов и без вас найдем анонимного автора. Но жаль, что вы так и не захотели нам помочь. – Следователь закрыл папку, аккуратно завязал тесемку. – Итак, Банга, мы с вами расстаемся.

Артур внимательно посмотрел на него.

– Да, да. Мне вы больше не нужны. Но должен вас огорчить – домой вы попадете не скоро. Вами заинтересовалась уголовная полиция.

Артур напрягся, предчувствуя новую ловушку.

– Довольно неприятный сюрприз. Понимаете, они подозревают вас в поджоге дома некоего Озолса.

– Это подлость, – невольно вырвалось у Артура. – Применять такие методы...

– Подлость, Банга, скрывать государственного преступника от заслуженной кары.

Артур подавленно молчал.

– А насчет методов я вам скажу так... Знаете, в уголовной полиции большие тугодумы. Допустим даже, что вы не виноваты. Впрочем, это тоже надо доказать. А пока они разберутся – ох, сколько времени пройдет за решеткой. Подумайте, с какой репутацией оттуда выйдете? Вы это хорошо понимаете?

Артур молчал.

– Ну, так будете нам помогать?

– Нет.

– Что ж. Тогда пеняйте на себя.

Рихард снова зашел в комнату Марты. Она была все еще бледна, но выглядела уже лучше. Во всяком случае, спокойнее. Рядом с ней стоял столик, уставленный лекарствами. Стрельнув в ее сторону коротким настороженным взглядом, Лосберг преувеличенно бодро сказал:

– Я вижу, тебе сегодня значительно лучше.

Она не ответила, Рихард продолжал:

– Доктор говорит – еще немного, и ты сможешь встать с постели. – Он улыбнулся, стараясь казаться беспечным. – Не забудь – мы в долгу перед нашими гостями. Они так и не посидели за свадебным столом.

Ее глаза медленно наполнились слезами.

– Не надо, Рихард. Мне врач все рассказал сегодня. Клянусь тебе... Я ничего не знала. Глупо, конечно, но... не знала...

Лосберг попытался прервать ее объяснение:

– Марта!

Но она, не слушая, продолжала взволнованно:

– Я уйду... Уйду из твоей жизни! Никто никогда не узнает... Прости... – Она, не сдержавшись, зарыдала. – Да, я любила. И ты знаешь кого... Но обещаю тебе...

Он проглотил комок, сам еле сдерживаясь, заговорил глухо:

– Марта, родная, поверь... Ты пришла ко мне такая, как есть. Я тебя никогда ни о чем не спрашивал и никогда не спрошу – клянусь! Все твое стало теперь моим – отныне и навсегда. Ты слышишь?

За окнами домашнего кабинета адвоката Крейзиса, задрапированными шелковыми портьерами, маячили в ноябрьском тумане шпили рижских соборов. Крейзис сидел в глубоком, покойном кожаном кресле с рюмкой ликера в руке.

– Одного не пойму. На кой черт тебе сдались хлопоты об этом рыбаке.

– А как бы ты поступил на моем месте? Он мне жизнь спас. И потом – Марта... Сам понимаешь...

– Ох уж эти сантименты... Между прочим, твой Банга попал в довольно неприятный переплет.

– Уверю тебя – к поджогу дома он не мог иметь никакого отношения.

Крейзис поморщился:

– При чем тут поджог? Он просто обозлил политохранку. И, по-моему, не без основания.

– Исключено, Освальд. Артур – простой парень...

– Они все выглядят простыми, – с неожиданной злобой сказал Крейзис. – Я бы таких на фонарях вешал. Чему ты ухмыляешься?

– Я? – рассеянно отозвался Рихард, разглядывая пузырьки в бокале шампанского. – Я, понимаешь, думаю... какое же мы все-таки дерьмо...

– Ого!

– Да, да, Освальд. Дерьмо. Со всеми нашими деньгами, связями, приличными манерами, образованием... С идеями, наконец.

– Рецидив студенческого фрондерства? – усмехнулся Крейзис. – Или флирт с социалистами?

– Нет, Робеспьер из меня не получится. Я добропорядочный современный буржуа до мозга костей... Но дот этот самый Банга... Это – латыш. Упрется – буйволом не свернешь. На таких и держится нация. А мы... можем только болтать о своих принципах, убеждениях, национальном достоинстве. Да и то... пока не коснется шкуры.

– Ты сегодня не в духе, Рихард.

– Нет, я просто размышляю вслух. Возьми себя: модный адвокат. Успех за успехом, спасаешь от каторги сановных казнокрадов, взяточников, высокопоставленных развратников, убийц. Пригоршнями швыряешь эту человеческую мерзость обратно в котел общества. А потом натыкаешься на такого парня, как Банга... И ты бы его на фонарном столбе...

– Почему же? – саркастически усмехнулся хозяин дома. – Именно я, модный адвокат Крейзис, вынужден спасать опору нации. Ты не улавливаешь парадокса нашего с тобой положения? – И, заметив, что Рихард сердится, миролюбиво махнул рукой. – Ладно, оставим. Ну что тебе сказать? Зацепиться там есть за что. Но играть в покер одновременно с политохранкой и с этими дубами из уголовной полиции... Посмотрим. Ты когда уезжаешь в Германию?

– Чем скорее, тем лучше. Как только немцы вошли в Польшу, прекратились поставки вискозы – хоть фабрику закрывай. Ты представляешь, в каком я положении?

– Очень хорошо.

– То есть что хорошо?

– Услуга за услугу. Понимаешь, нашим людям неудобно сейчас самим ехать в Германию. Афишировать связи с немцами...

– Значит, это все-таки правда?

– Слушай, ты на каком свете? Если возникнет опасность красного переворота, где реальный союзник против этой чумы?

– Ваш «Гром и Крест» хочет взять на себя историческую миссию?

– Можешь язвить сколько хочешь, но мы не намерены сидеть сложа руки.

– Ну вот видишь... О чем я и говорю. Гори они огнем, все эти принципы, розовые планы национального процветания, независимости. Все эти речи, которыми мы тут сотрясали воздух...

– Ты напрасно иронизируешь, Рихард, – спокойно возразил Крейзис. – Можно, действительно, сколько угодно сотрясать воздух болтовней о национальной независимости, но если делать что-то всерьез – какими-то принципами придется поступиться. Можно сколько угодно поносить немцев, но сбрасывать их со счетов как единственно реальную опору – глупо!

– Ах, вот оно как, – саркастически усмехнулся Лосберг. – Поступиться одними принципами ради других? Ладно, тогда давай выпьем. Есть дивный тост. За свободу!.. От принципов.

Крейзис не поддержал его шутки, озабоченно посмотрел на часы.

– Через две-три минуты ты увидишь настоящих людей.

– Скажи прямо, чего ты хочешь от меня? Вербуешь в соратники?

– Зачем? Просто ты со своими связями в Германии можешь быть нам очень полезен.

Раздался звонок у входной двери, Крейзис поспешил в переднюю. Через минуту в комнату вошли сразу несколько человек – высокий, массивный директор банка Фрицкаус, промышленник Карлсоне, майор Янсонс, министр без портфеля Эглитис, морской офицер Берзиньш.

– Входите, друзья! – радушно пригласил Крейзис. И упрекнул: – Что же вы все так – скопом? Не думаю, чтобы полиция интересовалась моим домом, но и устраивать марш-парад вряд ли разумно.

– Прохладный прием, – потирая озябшие руки, усмехнулся Фрицкаус. – Мы надеялись на что-нибудь погорячее.

– Найдется и погорячее. Все знакомы с моим другом, Рихардом Лосбергом?

– Здравствуйте, наследник, – первым подошел к нему Фрицкаус, – как ваши дела? Не тяжела ноша?

– Говорят, своя ноша не тянет, – пожимая протянутую ему руку, улыбнулся Рихард. – Хотя, признаюсь, со стороны все казалось проще.

– Господа! – громко и торжественно проговорил Крейзис. – Нам повезло – на днях господин Лосберг по своим коммерческим делам отправляется в Германию.

Крейзис беседовал с Артуром:

– М-да, дело о пожаре... Точнее, о поджоге. Состряпано оно волостными пинкертонами довольно неловко. Все было бы значительно проще, если бы не один казус – на всех допросах вы упорно отказываетесь отвечать, где были в ночь перед пожаром? – Он выдержал паузу, потом спросил доверительно: – Может, хоть мне скажете?

– Нет. Этого сказать я не могу.

Адвокат с явным любопытством посмотрел на рыбака:

– Послушайте, Банга, вы осознаете свое положение? Вам предъявлено обвинение в поджоге. Дело пахнет тюрьмой. Каторгой! Вы можете понять?

– Но это же чепуха. Я не сумасшедший, зачем мне поджигать дом?

– Тяжело с вами, – вздохнул Крейзис. – Зачем поджигать? Да мало ли зачем? Обвинительная версия как раз и строится на мотивах мести, ревности... Фактов-то у них нет. Свидетели – липа! Врут вразнобой. И вот вы собственной рукой подсовываете им один-единственный, но вполне веский аргумент. Как мне вас защищать? Из чего прикажете кроить алиби? – Он поднялся, прошелся по тесной каморке, пробормотал сердито: – Черт вас за язык тянул! Могли бы вообще сказать, что спали у себя дома.

– А что бы это изменило? – пожал плечами Артур.

– Тогда выкладывайте начистоту. Есть кто-нибудь, кто может подтвердить, что вас в это время действительно не было в поселке?

Артур не ответил.

– Куда вы так поздно уходили из дому? Где были почти до утра? Почему явились в артель перед самым выходом в море?

Артур молчал. Может быть, даже не слышал. Он снова был там, на старой мельнице, в мягкой копне пахучего сена.

– ...Молчи, молчи... – тревожно и радостно шептала, прижимаясь к нему Марта. – О чем мне жалеть? Я – твоя жена... Твоя... На всю жизнь.

– Марта, любимая... – Он бережно касался губами ее широко распахнутых глаз.

Летели над ними рваные облака, трепетным призраком, обманчивым маяком их недолгого счастья мелькала в просветах луна...

– Благородство проявляете? – услышал он откуда-то издалека голос адвоката. – Какую-нибудь девчонку выгораживаете? Смотрите – дорого оно вам обойдется. – Крейзис пронзительным взглядом впился в лицо подследственного.

– Что вы меня пугаете? – угрюмо огрызнулся Артур. – Должны же, в самом деле, разобратся? Если человек не виноват...

– Разберутся! – усмехнулся Крейзис. – Упекут за милую душу годков на десять. А то и на двенадцать. Судебная машина, молодой человек, штука громоздкая – ее запустить легко, а остановить – не подступишься. Сомнет кого хочешь! Пока я могу помочь – торопитесь, цепляйтесь... Потом сам президент вас не вызволит.

Артур невольно поежился. Может быть, и в самом деле до его сознания впервые дошла вся безнадежность положения. Несколько секунд сидел он молча, добела сцепив пальцы, потом проговорил хрипло и категорично:

– Я не могу... отвечать...

Крейзис как-то странно посмотрел на своего подзащитного, закрыл папку, поднялся из-за стола.

На улице, неподалеку от входа, его подждал Рихард. Заметив Крейзиса, нетерпеливо бросился навстречу, без всяких предисловий спросил:

– Ну как?

– Можешь не беспокоиться, ничего лишнего. Во всяком случае, ничего из того, чего ты боишься, он не сболтнет.

– Откуда ты взял, будто я чего-то боюсь? – покраснел Лосберг.

– Брось, Рихард. Я же не только твой приятель, но еще немного и психолог. В подробности не лезу, но суть схватываю намертво. Так вот, запомни – этот... Не то что на каторгу – на костер пойдет. Молча. Так что – спи спокойно.

Рихард судорожно сглотнул слюну, отвернулся:

– Что же все-таки можно сделать? – глухо спросил он.

– Во всяком случае, до суда доводить нельзя – обратного хода не будет. Попробуем подключить Рудольфа. Не волнуйся, сделаю все, что могу. – Прищурился иронически: – А в принципе... вот таких... – он кивнул в сторону тюрьмы, – я бы не только на фонарях вешал – я бы их топил... не подпуская к берегу!

С печальным криком тянулся в небе запоздалый журавлиный клин. Марта, запрокинув голову, провожала взглядом улетающих птиц. Коляска медленно катила по той же, обсаженной вязами, дороге. Так же дремал на козлах пьяный Петерис. Только вязы теперь стояли голые, осенние, почерневшие.

– Знаешь, я тоже становлюсь приверженцем деревенской идиллии, – сказал Рихард, заботливо поправляя плед на коленях Марты. – Куда приятнее вот так, не спеша, прокатиться на лошадке.

Она чуть заметно поморщилась – быть может, его голос мешал ей слушать затихающие вдали журавлиные крики.

– А главное, для тебя эти прогулки – просто чудодейственны, – бодро продолжал Лосберг. – С каждым днем ты как будто рождаешься заново. Тебе не холодно?

– Нет, – тихо ответила она.

– Кстати, как ты думаешь: а не отправиться ли нам куда-нибудь в путешествие? Мне кажется, тебе это было бы полезно. И доктор советует. Так как?

– Да, я бы с удовольствием, – задумчиво отозвалась Марта.

– Вот и отлично! Я уже написал в Мюнхен. Ты не возражаешь? Мне кажется, этот город тебе понравится – в нем есть что-то общее с Ригой.

– Можно и туда, – вяло согласилась она. Низко, почти к коленям, опустила голову, через силу выдавила из себя: – Но ты должен выполнить одну мою просьбу, последнюю.

Он весь напрягся в ожидании.

– Ты должен помочь Артуру. Иначе я не смогу уехать.

Рихард проглотил комок, отвернулся.

– Меня незачем просить, – сухо отрезал он. – Я и так делаю все, что в моих силах.

Глава 6

– Вы никогда прежде не бывали в Германии? – обернулся дядюшка Генрих, добродушный толстяк, к Марте, сидевшей на сафьяновых подушках его роскошного лимузина. – Вам чрезвычайно повезло, что вы начинаете именно с Мюнхена.

– Держись, Марта, сейчас тебе придется выслушать целую поэму о Мюнхене, – насмешливо вставил Рихард.

– Да, Мюнхен – это и есть настоящая Германия. Добрая, старая... Мы еще тут побродим с вами. Здесь найдется на что взглянуть... Какая архитектура! Семнадцатый век, пятнадцатый. А наша глиптотека – уникальнейшее собрание скульптур! А театр?..

– Кстати, тут недалеко – Коричневый дом, – сообщила фрау Эльза, супруга дядюшки Генриха, особа еще более дородная, – бывшая резиденция фюрера. Он и теперь здесь бывает.

– А вон в той пивной я впервые услышал речь фюрера! – подхватил возбужденно дядюшка. – Погодите, я еще напишу трактат о благотворном влиянии нашего баварского пива на политику. Недаром же именно в Мюнхене фюрер стал фюрером.

– Учти, Марта, если хочешь завоевать сердце дяди Генриха, пей пиво только с золотым петухом на этикетке, – посоветовал Рихард. – Это марка его заводов.

– Марточка, дорогая, – вы позволите вас так называть? – не слушайте этого шалопа! – галантно засуетился дядюшка Генрих. – Мое сердце уже безраздельно принадлежит вам – с того самого момента, как вы ступили на перрон. – И, покосившись на монументальную тушу жены, томно добавил: – Красивые женщины всегда были моей слабостью.

Рихард поспешил отвернуться, чтобы не прыснуть, и подмигнул Марте. Но она этого не заметила – сжавшись в углу машины, рассеянно смотрела в окно. Автомобиль катил теперь мимо роскошных особняков Богенхаузена.

– Дядюшка, ты забыл о своих обязанностях гида...

– Почему – забыл? Марточка, вот Богенхаузен. В этой части города живут... э-м-м... уважаемые люди.

Машина остановилась возле дома с колоннами из серого камня.

– А вот и наша лачужка! – с лукавым торжеством воскликнул дядя Генрих. – Прошу!

«Лачужка» пивного фабриканта была отделана с тяжелой, несколько старомодной роскошью; дубовая мебель, старинная бронза, потемневшие от времени картины со сценами из немецкой мифологии. В столовой пылал камин.

– Кушайте, дорогая, кушайте, – опекала Марту фрау Эльза за столом, сверкающим дорогим фарфором и оправленным в серебро хрусталем. – В вашем положении очень важно регулярно получать достаточное количество хорошей пищи, овощей и фруктов. Рихард, это никуда не годится: ты совершенно не заботишься о жене! Смотри, какая она у тебя бледненькая. Ну ничего, дорогая, теперь я за вас примусь. Ручаюсь, через неделю на ваших щеках расцветут розочки.

– Тетя Эльза, а куда делся ваш Ганс? – оглянувшись на горничную, внесшую очередное блюдо, спросил Рихард. – Неужели вы все-таки решили расстаться с таким величественным монументом?

– Мы вообще отказались от мужской прислуги, – пояснил дядя Генрих. – Это инициатива моей жены.

– Да! – властно тряхнула двойным подбородком фрау Эльза. – Я горжусь, что все наши люди – швейцар, лакеи, повар – словом, все, кроме шофера, – теперь несут службу в рядах вермахта. И что самое главное – совершенно добровольно. Ведь у Генриха есть специальное разрешение на слуг...

– Ну, положим, не совсем добровольно, – с кислой миной возразил дядя Генрих. – Ты приложила немало усилий, чтобы заставить Ганса сменить ливрею на солдатский мундир...

– Нет, добровольно! – повысила голос фрау Эльза. – Я настаиваю на этом. Мы, мюнхенцы, лучше других понимаем, как нужны сейчас нашему фюреру солдаты.

– Стало быть, у нас с Мартой есть шанс снова встретиться с вашим Гансом? – усмехнулся Рихард. – Где-нибудь в Риге... Кстати, тетушка, разъясните мне один политический казус – если Германия все же надумает прибрать к рукам Прибалтику, где будет проходить демаркационная линия в этом доме? В гостиной? В столовой? Надеюсь, не в спальне? Дядюшка хоть и патриот Мюнхена, однако все же – латыш.

– Ты чепуху городишь, милый, – отрезала тетушка Эльза. – Во-первых, если фюрер решит ввести войска в эту вашу... Латвию, то лишь для того, чтобы защитить вас от красных...

– Ну разумеется!..

– А во-вторых, тебе бы следовало знать – твой дядя уже год, как принял германское подданство.

– Что я слышу! – всплеснул руками Рихард. – Дядюшка, возможно ли? А как же твои национальные убеждения, которые ты так лелеял?

– Видишь ли, мой мальчик... – Дядя Генрих смущенно закашлялся. – Тут иначе просто невозможно вести дела. – Да и вообще... – Он пугливо посмотрел на жену.

– А ты как думал, мой милый? – решительно вмешалась та. – Наживать здесь капиталы и оставаться в стороне от священной судьбы немецкого народа? Нет уж, прости... Я как честная немка ни за что не согласилась бы иметь мужа, который...

– Контрольная инспекция! Всем построиться на проверку! – раздался от двери чей-то зычный голос.

Марта удивленно обернулась и увидела стройного красавца в щегольской офицерской форме.

– Манфред! – радостно вскрикнул Рихард, выбираясь из-за стола. Мужчины обнялись. – Марта, позволь представить тебе моего лучшего друга и однокашника...

Но офицер уже сам приблизился к Марте, щелкнул каблуками, церемонно поклонился:

– Манфред Зингрубер! – Он протянул роскошный букет белых хризантем. – С приездом и счастливым Рождеством!

Поцеловал руку гостье, затем хозяйке дома; вновь обернулся к Марте и театрально покачнулся. Схватился за спинку стула, как бы удерживаясь от обморока:

– Закрой мне глаза, Рихард! Лучше сразу, чтобы не гибнуть мучительной смертью завистника.

– Марта, это тот самый Манфред, о котором я тебе все уши прожужжал. Знаменитый сердцеед!

– Да, да... – как бы очнувшись, кивнула Марта. – Рихард мне говорил... Вы, кажется, вместе заканчивали университет?

– Вот именно – заканчивали! Лично меня выперли с четвертого курса, – захохотал Зингрубер.

– Зато ты преуспел в другом, – заметил Лосберг.

– Да. К своему счастью, я быстро понял: в жизни есть кое-что поважнее сонетов Шекспира.

– У тебя семья?

– Армия моя семья.

– Господин Зингрубер, могу ли я пригласить вас пообедать с нами? – обратилась к нему фрау Эльза.

– О, как это мило с вашей стороны.

– Я бы с удовольствием попотчевала вас чем-нибудь более изысканным, но вы сами знаете, как сейчас с продуктами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.